

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 и 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ
Редакціи при Пензенской
Духовной семинаріи.

№ 15.

Цѣна годовому изданію
Вѣдомостей съ пересылкою
и доставкою 5 рублей.

1-го августа, 1897 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Опредѣленіе Епархіальнаго Начальства.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, Пензенская Духовная Консисторія слушала указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 30-го апрѣля сего 1897 г. за № 4, адресованный на имя Его Пресвященства, Пресвященнѣйшаго Павла, Епископа Пензенскаго и Саранскаго, слѣдующаго содержанія:

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушала: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 6 февраля сего года за № 906, о принятіи мѣръ къ содержанію кладбищъ въ благоустроенномъ видѣ. И, по справкѣ, Приказали: Черниговскій Губернаторъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ о состояніи Черниговской губерніи за 1895 годъ

между прочимъ объяснилъ слѣдующее: „при ревизіонномъ объѣздѣ губерніи повсемѣстно было обращено вниманіе на содержаніе кладбищъ. Надо сознаться, что рѣдко гдѣ достойное всякаго вниманія, ухода, охраненія и уваженія покойще усопшихъ содержится въ томъ состояніи, котораго требовало бы религіозное чувство благоговѣнія предъ памятью отошедшихъ въ вѣчность. Устраненіе пастьбы скота и свиней на могилахъ, возобновленіе оградъ, очистка погоста и расчистка дорожекъ были повсемѣстно предписаны къ немедленному исполненію; предложено заботиться отпускомъ средствъ на это дѣло; сдѣлано сношеніе съ епархіальнымъ Преосвященнымъ относительно воздѣйствія въ этомъ отношеніи на мѣстныхъ благочинныхъ, протоіереевъ и священниковъ; вообще замѣчено, что главная причина плохого содержанія кладбищъ лежала въ отсутствіи заботъ частныхъ лицъ о могилахъ близкихъ имъ людей и въ отсутствіи ассигнованій на сей предметъ со стороны городовъ. Лучшимъ двигателемъ къ исправленію этой ошибки, оказывающейся виною предъ усопшими, должно явиться начавшееся повсемѣстно усиленное объ этомъ напоминаніе духовными отцами при церковной проповѣди“. Противъ этого мѣста отчета ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволилъ отмѣтить: „Это вопросъ, касающійся всей Россіи“, и слова отчета „содержаніе кладбищъ“ Собственноручно подчеркнуть. Комитетъ Министровъ, куда означенный отчетъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ внесенъ, чрезъ Управляющаго дѣлами Комитета Статсъ-Секретаря Куломзина объ изъясненномъ увѣдомилъ Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, а имъ предложено Святѣйшему Синоду. — Обсудивъ изложенное, Святѣйшій Синодъ находитъ, что: 1) попеченіе о содержаніи кладбищъ въ благолѣпномъ видѣ является естественнымъ выраженіемъ

того, не только умѣстнаго, но даже обязательнаго въ христіанахъ, чувства уваженія къ праху предковъ и вообще ближнихъ, въ вѣрѣ скончавшихся, которое, протекая изъ обусловливаемаго родственною и христіанскою всеобъемлющею взаимною любовію долга почтительнаго отношенія къ ихъ памяти, вмѣстѣ съ тѣмъ основывается на вѣрѣ нашей въ непреложную истину безсмертія и будущаго всеобщаго воскресенія и въ общеніе живыхъ съ прежде умершими;

2) такое отношеніе къ праху почившихъ закрѣплено для православныхъ христіанъ священнымъ обычаемъ, свято сохраняемымъ Церковію на протяженіи многихъ вѣковъ ея существованія, съ изначальныхъ временъ доселѣ, и сему же поучаются они повѣствуемыми въ Священныхъ Книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта примѣрами многихъ благочестивыхъ мужей, какъ то: Авраама, пріобрѣвшаго у хеттеянина Ефрона за четыреста дидрахмъ серебра, для погребенія Сарры, пещеру „сельную сугубую“ въ которой потомъ были погребены онъ самъ и послѣдующіе Патріархи (Быт. XXIII; XXV, 9—10; XXXV, 29; Л, 13); Товита, взысканаго милостями Господа за дѣла милосердія и благочестія, однимъ изъ коихъ было самоотверженное попеченіе о преданіи погребенію тѣлъ единоплеменниковъ, выброшенныхъ язычниками Ниневіи на поруганіе (Тов. I, 17—20; II, 3—9); Иосифа и Никодима, восхваляемыхъ въ пѣсняхъ церковныхъ, тайныхъ учениковъ Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, благоговѣнно погребшихъ Пречистое Тѣло Его, память о каковомъ дѣяніи ихъ увѣковѣчена на страницахъ Святаго Евангелія; также „благоговѣйныхъ мужей“, предавшихъ честному погребенію тѣло убиеннаго гонителями Святаго Первомученика архидіакона Стефана (Дѣян. XIII, 2), и многихъ другихъ. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что, въ силу рѣшенія Гражданскаго

Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената отъ 10 апрѣля 1896 года (Церк. Вѣд. 1897 года № 10), кладбища признаны состоящими въ вѣдѣніи духовнаго начальства, на обязанности коего посему лежитъ забота о благоустройствѣ ихъ и содержаніи въ порядкѣ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить Синодальнымъ Конторамъ, Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Духовнику ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства предписать подвѣдомственному имъ духовенству: а) имѣть тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы состоящія въ его непосредственномъ вѣдѣніи кладбища содержались въ благоустроенномъ, опрятномъ и приличномъ видѣ, вполне соответствующемъ христіанскому долгу почтительнаго отношенія со стороны пребывающихъ въ живыхъ къ памяти въ вѣрѣ скончавшихся, прилагая къ сему всяческія зависящія мѣры; б) въ сихъ видахъ озаботиться о безотлагательномъ приведеніи въ порядокъ и благоустройство кладбищъ, находящихся по какимъ-либо причинамъ и въ какомъ-либо отношеніи въ неудовлетворительномъ состояніи, т. е. объ исправленіи обвалившихся могилъ, починкѣ старыхъ и сооруженіи, — гдѣ окажется нужнымъ, — новыхъ оградъ, заборовъ и плетней, укрѣпленіи насыпей, а также насажденіи, сообразно съ мѣстными условіями, возможно большаго количества деревьевъ, которыя, служа къ внѣшнему благолѣпію кладбищъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ признано медицинскою наукою, лучшимъ средствомъ для обезвреженія на кладбищахъ воздуха, и в) къ покрытію же расходовъ по производству таковыхъ работъ приглашать частныхъ лицъ и городскія и сельскія общества, родственники и однообщественники коихъ почиваютъ на кладбищахъ, побуждая ихъ къ сему пастырскимъ увѣщаніемъ и напоминая о лежащей на нихъ нравственной обязанности заботиться

о могилахъ близкихъ имъ покойниковъ, а гдѣ окажется возможность—удѣлять на сіе также часть церковныхъ или кладбищенскихъ доходовъ. О чемъ и послать циркулярные указы. (Апрѣля 30 дня 1897 года).

По указу Св. Синода, отъ 25-го іюня за № 3322 разрѣшено открыть при церкви дер. Чекашевыхъ Полянокъ, прежде принадлежавшей къ приходу села Сіалѣевского Майдана, Инсарскаго у., самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ священника и псаломщика.

Праздныя мѣста—священническія: Мокшанскаго уѣзда въ с. Дубасовѣ—съ 6 іюня 1897 г.; Краснослободскаго уѣзда: въ сс. Каменномъ Бродѣ—съ 30 ноября 1896 года, Старо-Новой Толковкѣ—съ 6 января 1897 г., Рыбкинѣ—съ 19 марта 1897 г., Ежовкѣ—съ 22 апр. 1897 г., Курташкахъ—съ 28 апр. 1897 г.; Саранскаго уѣзда: въ сс. Соколовѣ—съ 5 іюля 1897 г., Танѣевкѣ—съ 9 іюня 1897 г.; Инсарскаго уѣзда: въ сс. Новлеяхъ—съ 22 апр. 1897 г., Могиловкѣ—съ 5 мая 1897 г.; Чекашевыхъ Полянкахъ—съ 3 іюля 1897 г., Безстужевѣ—съ 5 іюля 1897 г.; Наровч. у.: въ сс. Гумнахъ—съ 10 декабря 1896 г., Семивражкахъ—съ 16 мая 1897 г.; Чепурновкѣ—съ 4 іюля 1897 г.; Городищенскаго уѣзда: въ сс. Ильминѣ—съ 18 октября 1896 года; Керенскаго уѣзда: въ сс. Котлѣ—съ 4 декабря 1896 г., Лунданѣ—съ 12 іюня 1897 г.; Н.-Ломовскаго уѣзда: въ с. Александровкѣ при Единовѣрческой церкви—съ 11 января 1897 года; —**діаконскія:** Пензенскаго уѣзда: въ сс. Клейменовкѣ—съ 7 марта 1895 года, Казанской Арчадѣ—съ 8 октября 1896 г.; Матвѣевкѣ—съ 4 іюля 1897 г.; Саранскаго

у.: въ сс. Чуфаровѣ—съ 1885 года, Подл. Тавлѣ—съ 17 июля 1894 г., Соколовкѣ—съ 10 ноября 1894 г., Ремезенкахъ—съ 11 октября 1894 г., Голубцовкѣ—съ 31 янв. 1895 г., Напольномъ Вьясѣ съ 6 мая 1895 г., Мокшалеяхъ—съ 21 іюня 1896 г., Нерлеяхъ—съ 22 января 1897 г., Старыхъ Турдакахъ—съ 10 февр. 1897 г., Богородскомъ Голицинѣ—съ 15 марта 1897 г.; Большомъ Вьясѣ—съ 12 іюня 1897 г.; Городищенскаго уѣзда: въ сс. Трофимовкѣ—съ 21 января 1895 г., Аристовкѣ—съ 1 августа 1891 г., Кравковѣ—съ 15 февр. 1894 г., Арханг. Куракинѣ—съ 24 февраля 1893 г., Чаадаевкѣ—съ 28 марта 1894 г., Борисовой Кеньшѣ—съ 1 іюня 1895 г., Ахматовкѣ—съ 16 авг. 1896 г., Мордовскомъ Калимѣ—съ 11 ноября 1896 г., Знаменской Лопуховкѣ—съ 18 марта 1897 года; Н.-Ломовскаго уѣзда: въ сс. Низовкѣ съ 16 окт. 1885 г., Головинской Варезкѣ (на псаломщическихъ доходахъ)—съ 3 августа 1896 года, Сухой Пичевкѣ—съ 8 ноября 1896 года, Муромкѣ—съ 22 марта 1897 г.; Наровчатскаго уѣзда: въ сс. Панахъ—съ 12 августа 1895 г., Масловкѣ—съ 1 мая 1896 г., Коломасовѣ—съ 15 іюня 1896 г., Паевкѣ—съ 11 окт. 1896 г., Челмодѣвскомъ Майданѣ—съ 30 декабря 1896 г., Салмановкѣ—съ 23 мая 1897 г., Суркинѣ—съ 12 іюня 1897 г.; Инсарскаго уѣзда: въ сс. Починкахъ—съ 12 іюня 1890 г., Вертелимѣ—съ 21 мая 1891 г., Лемдяхъ—съ 1889 г., Ключаревѣ—съ 31 декабря 1894 г., Старыхъ Верхисахъ—съ 17 августа 1895 г., Язык. Пятинѣ—съ 1 февр. 1896 г., Ускляяхъ—съ 24 сент. 1896 г., Шайговѣ—съ 22 окт. 1896 г., Унуйскомъ Майданѣ—съ 23 декабря 1896 г., Сипягинѣ—съ 30 мая 1867 г.; Керенскаго уѣзда: въ сс. Серг. Поливановѣ—съ 31 янв. 1893 г., Ртицевѣ—съ 11 іюля 1893 г., Никольскомъ—съ 20 мая 1893 г., въ г. Керенскѣ при Богоявленской церкви

—съ февраля 1896 г., при Архангельской церкви—съ 22 марта 1897 г.; въ с. Чернышевѣ—съ 7 февр. 1897 г.; Краснослободскаго уѣзда: въ сс. Аракчеевѣ—съ 5 окт. 1895 г., Каймарахъ—съ 1889 г., Перевѣсьѣ—съ 1895 г., Кабановѣ—съ 9 іюля 1895 г., Проказнѣ—съ 12 іюня 1895 г.; Кангушахъ—съ 6 сент. 1895 г., Воронѣ—съ 18 ноября 1896 г., Рыбкинѣ—съ 5 марта 1894 года; Мокшанскаго уѣзда: въ сс. Кирилковѣ—съ 6 марта 1894 г., Юловѣ—съ 4 февраля 1895 года, Старой Кулѣ—съ 5 февр. 1897 г. Свинухѣ—съ 26 апр. 1897 г.; Чембарскаго уѣзда: въ сс. Митрофановѣ—съ 11 марта 1897 г., Болкашинѣ—съ 9 іюня 1897 г.; —псаломщическія: Чембарскаго уѣзда: въ сс. Андреевѣ—съ 21 мая 1896 г., Кошкарѣ—съ 29 окт. 1896 г., Похвисневѣ—съ 12 мая 1897 г., Наровчатскаго уѣзда: въ сс. Парашинѣ—съ 8 янв. 1896 г., Засѣчномѣ—съ 3 іюня 1897 г.; Керенскаго уѣзда: въ с. Васильевѣ—съ 28 мая 1897 г.; Инсарскаго уѣзда: въ сс. Новлеяхъ—съ 22 апр. 1897 г.; Воскресенской Саловѣ—съ 24 іюня 1897 г.; Чекашевыхъ Полянкахъ—съ 3 іюля 1897 г.; Краснослободскаго уѣзда: въ с. Ежовѣ—съ 22 апр. 1897 г.; Саранскаго уѣзда: въ с. Богородскомъ Голицынѣ—съ 8 мая 1897 г.; Пензенскаго уѣзда: при Введенской (Михайло-Архангельской тоже) церкви гор. Пензы—съ 18 мая 1897 г., въ сс. Чертковѣ—съ 31 іюня 1897 г., Ѳедоровѣ—съ 9 іюля 1897 г.;—Ниже-Ломовскаго уѣзда: въ с. Подхватилѣ—съ 13 іюня 1897 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

О продолженіи изданія журнала „ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“. Журналъ „Церковно-приходская школа“ въ наступающемъ съ 1-го августа одиннадцатомъ году изданія своего останется неизмѣнно вѣрнымъ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, при чемъ редакція позаботится о возможно полномъ и разностороннемъ выполненіи ея. Во II отдѣлѣ, по примѣру прошлаго подписного

года, будуть помѣщаться въ систематическомъ порядкѣ статьи и очерки извѣстнаго писателя для народа покойнаго протоіерея Іоанна Наумовича, которые въ концѣ года составятъ собою полный и законченный томъ религіозно-нравственныхъ статей и статей по разнымъ отраслямъ знанія для внѣкласснаго чтенія.

Программа журнала: Опрежденія Святѣйшаго Синода и постановленія Училищнаго при немъ Совѣта, а также внѣкоторыя распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ и училищныхъ совѣтовъ. Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія, входящимъ въ учебный курсъ церковно-приходскихъ школъ. Мнѣнія духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще въ народныхъ школахъ. Свѣдѣнія о церк.-приход. школахъ въ епархіяхъ. Изъ школьнаго міра (хроника). Педагогическое обозрѣніе. Мелкія извѣстія и замѣтки, относящіяся къ школьному народному образованію. Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію. Корреспонденціи. Небольшія статьи для чтенія въ школѣ и дома: а) Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православной. б) Примѣры благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой. в) Повѣсти и рассказы религіозно-нравственнаго содержанія. г) Рассказы изъ отечественной и общей исторіи. д) Притчи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою ТРИ руб. сер. Подписка принимается: въ Кіевѣ: въ редакціи журнала „Церковно-приходская Школа“, при Кіевскомъ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ.

Въ редакціи журнала имѣются въ ограниченномъ количествѣ экземпляры прежнихъ подписныхъ годовъ.

Редакторъ П. Игнатовичъ.

Редакторъ Н. Шелутинскій.

Печатано съ разрѣшенія Епарх. Начальства.

Типографія Пензенскаго Губернскаго Правленія.

— 232 —

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го августа. № 15. 1897 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Расколъ и сектанство въ Пензенской епархіи *).

II.

Начало раскола въ Пензенской епархіи должно быть отнесено къ концу XVII в. Въ настоящее время здѣсь есть послѣдователи раскольническихъ толковъ: поповцы, безпоповцы, нѣтовцы и странники или бѣгуны. Раньше другихъ толковъ въ Пензенской епархіи утвердилась „поповщина“. Строгія мѣры, принимавшіяся Правительствомъ противъ раскольниковъ, заставляли ихъ искать убѣжища въ густыхъ и непроходимыхъ лѣсахъ, которыми въ то время была обильна нынѣшняя Пензенская губернія. Но расколъ не былъ одинаково силенъ во всѣхъ уѣздахъ и распространился не вдругъ. Можно думать, что онъ первоначально былъ занесенъ въ Саранскій уѣздъ изъ знаменитыхъ керженскихъ скитовъ Нижегородской губерніи. Сторонники раскола были не только между крестьянами, но и въ средѣ другихъ сословій.

*). Окончаніе. См. № 13 Пенз. Епарх. Вѣд. за текущій годъ.

Въ Наровчатскій, Керенскій, Ломовскій и Чембарскій уѣзды расколъ занесенъ изъ Тамбовской губерніи (гг. Спасскъ и Моршанскъ), гдѣ поселились многіе приверженцы „старой вѣры“, бѣжавшіе отъ преслѣдованій Правительства. Что касается Городищенскаго уѣзда, то расколъ перешелъ сюда изъ Иргизскихъ скитовъ, во 2-й половинѣ XVIII вѣка *).

Въ началѣ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія у раскольниковъ поповщинской секты Пензенской епархіи существовали особыя молельни. По свѣдѣніямъ, находящимся въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи“ г. Сталя, въ 1861-мъ году было три раскольниковскихъ молельни (безъ престоловъ): одна въ Наровчатскомъ уѣздѣ и двѣ — въ Нижне-Ломовскомъ. Въ 70-хъ годахъ онѣ закрыты и въ настоящее время раскольники для совершенія молитвословій собираются въ обыкновенныхъ крестьявскихъ избахъ, преимущественно у своихъ наставниковъ.

Въ послѣдніе годы большинство бѣглоповцевъ Пензенской епархіи, по наблюденіямъ епархіальныхъ миссіонеровъ, стало приходить къ той мысли, что ихъ общество, какъ не имѣющее епископскаго чина, а съ нимъ и таинства хиротоніи, освященнаго мвра и законнаго совершенія всѣхъ прочихъ таинствъ, не составляетъ истинной Церкви Христовой. Это сознаніе побуждаетъ ихъ стремиться къ отысканію этой Церкви, внѣ которой спасеніе невозможно.

*) Такъ какъ въ Пенз. Епарх. Вѣдомостяхъ помѣщено много обстоятельныхъ статей о всѣхъ мѣстныхъ раскольниковскихъ толкахъ (1866 г. № 10—12; 1868 г. №№ 8, 10 и 12; 1871 г. № 12; 1873 г. №№ 2, 6, 17—21; 1875 г. №№ 3—6, 8—10; 1877 г. №№ 3 и 7; 1886 г. №№ 6 и 21, 1890 г. № 1 и друг.), то мы ограничиваемся сообщеніемъ о нихъ самыхъ краткихъ свѣдѣній, а болѣе подробно говоримъ о сектантахъ.

Нельзя не порадоваться этому стремленію, потому что оно составляет одно изъ главныхъ условійъ къ приобрѣтенію истины. На пути къ достиженію этой истины для бѣглопоповцевъ есть очень важное препятствіе въ лицѣ общества раскольниковъ, оупріемлющихъ въ Бѣлокриницкую іерархію, которая, по своей внѣшности, имѣетъ всѣ признаки истинной Церкви и этимъ можетъ вводить въ заблужденіе неопытныхъ людей и способствовать ихъ общенію съ сектантами — поповцами.

Такимъ образомъ, бѣглопоповщина Пензенской епархіи въ настоящее время переживаетъ очень важный моментъ своего историческаго существованія. Защитники Бѣлокриницкой лжеіерархіи хорошо понимаютъ это и употребляютъ всѣ средства для увлеченія своихъ послѣдователей. Съ этою цѣлію они всячески стараются подорвать авторитетъ православной Церкви. Они или уклоняются отъ миссіонерскихъ бесѣдъ съ православными священниками, или же сводятъ эти бесѣды на пустыя словопренія, стараясь привлечь слушателей на свою сторону намѣренными лжетолкованіями священныхъ мѣстъ, бойкостью своихъ рѣчей (чтобы не сказать — нахальствомъ) и т. п.

Раскольники безпоповщинскаго толка появились въ Пензенской епархіи въ концѣ XVIII в. Распространенію его способствовали или пропагандисты или переселенцы изъ богатыхъ помѣщичьихъ селъ Московской и другихъ губерній.

Кромѣ поповщинской и безпоповщинской секты, въ Пензенской епархіи есть, какъ мы сказали выше, нѣтовцы и странники, или бѣгуны.

Нѣтовщина появилась во 2-й половинѣ XVIII в. и должна быть признана одною изъ самыхъ вредныхъ сектъ, такъ какъ она совершенно отрицаетъ Церковь съ священствомъ и таинствами.

Существованіе секты бѣгуновъ или странниковъ обнаружено въ с. Соколовкѣ, Саранскаго уѣзда, въ 1882 году. Въ Пензенскую епархію она перешла изъ Саратовской и впервые появилась въ 1872 году въ с. Мордовскомъ Качимѣ, Городищенскаго уѣзда, причемъ послѣдователи ея назывались подпольниками или безденежниками. Качимскіе подпольники очень рѣзко выражались о властяхъ и отрицали все, что исходитъ отъ власти: паспорта, документы, деньги и т. п.

III.

Изъ числа сектантовъ рационалистическаго и мистическаго характера въ Пензенской епархіи существуютъ: молокане, жидовствующие, хлысты и скопцы.

Молоканство въ Пензенской епархіи, какъ и расколъ, не есть явленіе самородное. Оно занесено сюда въ концѣ XVIII в. изъ Тамбовской губерніи ближайшими сотрудниками основателя молоканства, крестьянина Симеона Уклеина. Но они не могли утвердить новаго ученія въ Пензенской епархіи. Сѣмена молоканства, посеянные ими, могли бы скоро заглухнуть, если бы оно не нашло въ послѣдствіи сильной поддержки со стороны выходцевъ изъ южныхъ губерній, принадлежавшихъ къ молоканству, штундизму и другимъ подобнымъ сектамъ.

Молоканство, или духоборчество обнаружилось въ Пензенской епархіи въ царствованіе Императора Александра I и причинило не мало заботъ Правительству. Въ I-й четверти текущаго столѣтія въ Пензенской уголовной палатѣ производилось слѣдствіе объ отставномъ солдатѣ Степанѣ Григорьевѣ, которое подтвердило, что Григорьевъ съ 1813 года состоитъ въ молоканской сектѣ, за что и былъ, по опредѣленію уголовной палаты, оставленъ въ подозрѣніи и

отданъ на увѣщаніе духовнаго начальства, а позже (въ 1827 г.) сосланъ на жительство въ Таврическую губернію. Въ 1821 году Пензенскій епископъ Амвросій I донесъ Оберъ-Прокурору Св. Синода объ открывшейся духоборческой сектѣ между удѣльными крестьянами Пензенской губерніи, Наровчатскаго уѣзда, и находилъ необходимымъ принять противъ нихъ строгія мѣры. Оберъ-Прокуроръ призналъ нужнымъ главныхъ зачинщиковъ удалить на „Молочныя воды“, а послѣдователей ихъ поручить особенному вниманію мѣстнаго начальства. Когда шла переписка о выселеніи духоборцевъ изъ Наровчатскаго уѣзда въ Таврическую губернію, то послѣдовало правительственное распоряженіе приостановиться исполненіемъ этого.

Кромѣ того, изъ донесенія Пензенскаго губернатора отъ 13 іюня 1827 года извѣстно, что крестьянинъ Наровчатскаго уѣзда с. Покровскаго Петръ Васильевъ умеръ безъ исповѣди и св. причастія и погребенъ безъ всякаго священнаго обряда. При слѣдствіи открылось, что Васильевъ только желалъ вступить въ духоборчество; а послѣдователи этой секты, считая его своимъ, предали тѣло его погребенію по своимъ обрядамъ. При этомъ Пензенскій губернаторъ высказалъ, что преслѣдованіе духоборцевъ можетъ еще болѣе воспламенить въ нихъ рвеніе къ обращенію другихъ въ свою секту, тѣмъ болѣе, что они съ даромъ слова соединяютъ большія религіозныя познанія *).

Причины быстрого успѣха молоканства вообще и въ Пензенской епархіи въ частности заключаются въ особенностяхъ ихъ ученія, благопріятствующихъ нравственной разнузданности. Молоканство проповѣдуетъ для человѣка полную свободу дѣйствій. У молоканъ нѣтъ стѣснительныхъ

*) Ливановъ, Раскол. и Острожн., т. IV, стр. 474—477.

требованій для обузданія страстей и похотей, напр. подвиговъ молитвы и поста. Молоканинъ долженъ жить по духу и устроить по евангелію свою жизнь такъ, какъ онъ самъ понимаетъ и находитъ лучшимъ. Эта-то воляность и составляетъ для крестьянъ, особенно молодыхъ, одну изъ главныхъ приманокъ. Кромѣ того, бытъ и обстановка нашего крестьянина представляютъ весьма много условій, благопріятныхъ для развитія молоканства, напр. общая неразвитость простаго народа, дальнее разстояніе отъ церквей и проч. ¹⁾).

Послѣдователи секты жидовствующихъ живутъ только въ с. Аристовкѣ, Городищенскаго уѣзда. Ученіе это занесено сюда изъ с. Сызгана, Симбирской губерніи, въ которомъ издавна существуетъ секта жидовствующихъ. Официально обнаружена секта жидовствующихъ въ с. Аристовкѣ въ 1891 году, при чемъ о своей принадлежности къ ней заявило шесть семействъ. Вѣроученіе сектантовъ с. Аристовки почти во всемъ сходно съ современною еврейскою религіею. Источникомъ вѣроученія и правоученія они признаютъ священныя книги одного только Вѣтхаго Завѣта, а Новый Завѣтъ совершенно отрицаютъ. Отвергая всѣ христіанскіе догматы, они не признаютъ Иисуса Христа за истиннаго Мессію, Спасителя міра, но, подобно евреямъ, только ожидаютъ Его. Въ оправданіе своего ученія они говорятъ, что истинный Мессія долженъ явиться на землѣ въ славу, покорить всю вселенную и царствовать надъ всѣми, а Иисусъ Христосъ явился и жилъ на землѣ въ униженіи, нищетѣ, подчиненіи и безславіи ²⁾.

¹⁾ О молоканствѣ смотр. П. Е. В. за 1887 г. №9, стр. 1—15, свящ. Быстрова, 1888 г. №№ 19 и 20, статьи священника Быстрова и г. Пономарева.

²⁾ См. П. Е. В. 1894 г. № 10, ст. г. Орлова.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ с. Селиксѣ, Городищенскаго уѣзда, было замѣчено появленіе сектантовъ, впоследствии оказавшихся хлыстами. Еще раньше подозрѣвали о существованіи подобныхъ сектантовъ въ сосѣднемъ селѣ—Чемодановкѣ. Сектанты вели себя чрезвычайно скрытно и осторожно и потому отклоняли отъ себя подозрѣнія. Въ 1860 г. нѣкоторое движеніе, происходившее между ними, и усиленная дѣятельность выдали ихъ. Двое грамотныхъ и набожныхъ людей изъ крестьянъ села Селиксы, вмѣстѣ съ чемодановскими сектантами, подъ предлогомъ заработка, отправились на поиски за правой вѣрою и праведными людьми. Въ Саратовской губерніи (с. Шереѣздѣ) они познакомились съ опытнымъ и ревностнымъ „учителемъ вѣры“, крестьяниномъ Яковлевымъ. Рѣчи Яковлева пришлись многимъ по душѣ и, возвратившись въ Селиксу и Чемодановку, они принялись за пропаганду своего ученія. Русское населеніе Чемодановки оказалось воспріимчивѣе къ проповѣди сектантовъ, нежели селиксинская мордва. Но двукратное заключеніе въ тюрьму за разныя преступленія одного изъ болѣе видныхъ чемодановскихъ сектантовъ уронило въ глазахъ населенія авторитетъ новыхъ учителей и ослабило успѣхъ пропаганды. Сектанты притихли и секта сдѣлалась незамѣтной.

Черезъ 10 лѣтъ начали снова ходить слухи о сектантахъ. Новое ученіе преобладало теперь въ Селиксѣ, а не въ Чемодановкѣ. Главнымъ руководителемъ сектантовъ явился селиксинскій крестьянинъ Степанъ Чушкинъ (Пензинъ тожь), бывавшій на заработкахъ въ Тамбовской губерніи. Онъ выдавалъ себя за пророка. Когда мѣстный священникъ о. Перовъ обратилъ вниманіе на его вредную дѣятельность и

предлагалъ удалить Чупкина изъ Селиксы, сектанты а снова затихли!

Въ половинѣ 80-хъ годовъ обстоятельства снова заставили обратить вниманіе на сектантовъ и дали нить для разслѣдованія ихъ ученія и для знакомства съ исторіей возникновенія ихъ секты. Одна крестьянская дѣвица, изъ православнаго семейства, Моисеева, вышедши за мужъ, попала въ сектанское семейство. Когда новые родные заставляли ее слѣдовать своему ученію, то она обратилась за совѣтами къ мѣстному священнику. Другое обстоятельство заключалось въ томъ, что одинъ изъ сектантовъ (Балашовъ), усумнившись въ своихъ наставникахъ, бросилъ ихъ общество, пересталъ посѣщать ихъ собранія и сталъ ходить въ православную церковь. Разказы Моисеевой и Балашова дали возможность пополнить тѣ свѣдѣнія, которыя въ свое время удалось добыть о Церковѣ объ ученіи, обрядахъ и обычаяхъ хлыстовъ.

Скрытность составляетъ самую характерную черту этихъ сектантовъ. Они скрываютъ существенныя пункты своего ученія и важнѣйшіе обряды даже отъ лицъ, пожелавшихъ присоединиться къ ихъ обществу: болѣе полугода длится испытаніе искренности и твердости новаго члена. Сектанты считаютъ себя чистыми, невинными голубчиками, вѣрують, что Богъ находится въ сердцѣ каждаго человѣка и, говорятъ, что поэтому нужно молиться другъ на друга, а не на иконы.

Утверждая, что каждый можетъ сподобиться Духа Святаго и стать пророкомъ или христомъ (а женщина богородицей), сектанты учатъ, что въ комъ Духъ Святой, тотъ спасется безъ Церкви и таинствъ, тому не нужны законы и обряды, съ того довольно молитвы, покаянія и воздержанія. Такъ какъ Духъ Святой болѣе всего чуждается

духовной гордости и тѣлесной нечистоты, то, по мнѣнію сектантовъ, нужно проводить дѣвственное житіе. Сектанты заключаютъ браки въ Православной Церкви; но съ женами супружескаго общенія не имѣютъ. Кромѣ церковнаго вѣнчанія у нихъ бываетъ, по особому обряду, свое вѣнчаніе духовныхъ братьевъ съ духовными сестрами.

Молитвенныя собранія у нихъ начинаются тихимъ пѣніемъ, которое переходитъ въ безпорядочное и сопровождается прыганьемъ и скаканьемъ. Руководители секты называли себя пророками и пользовались чрезвычайнымъ авторитетомъ. Они брались открывать будущее и сокровенное. Изъ наблюденій надъ образомъ жизни и бытомъ сектантовъ можно было замѣтить, что сектантское общество привлекаетъ въ свою среду преимущественно заботами объ улучшеніи матеріальнаго положенія лицъ, принадлежащихъ къ сектѣ. Это способствовало распространенію секты и бракамъ сектантовъ съ православными дѣвками.

Первоначальнымъ гнѣздомъ секты скопцовъ въ предѣлахъ Пензенской епархіи было село Оленевка, Пензенскаго уѣзда; отсюда секта эта перешла, въ началѣ 60-хъ годовъ, въ приходскую деревню Ахлѣбиновку. Насадителями скопчества въ Ахлѣбиновкѣ считаются одинъ оленевскій крестьянинъ и пензенскій мѣщанинъ Максимъ Суховъ; они устроили особую молельню въ тайномъ мѣстѣ; пензенская мѣщанка, дѣвица Анастасья Новикова, пользовалась титуломъ ихъ попа, а по другимъ извѣстіямъ, и титуломъ богородицы. Въ 1867 году одиннадцать мужчинъ, подвергшихся оскотленію, были сосланы въ Сибирь. вмѣстѣ съ ними былъ сосланъ и Суховъ, семейство котораго осталось въ Пензѣ. Черезъ 10 лѣтъ возникло новое дѣло, причемъ подсудимыми были крестьяне деревни Ахлѣбиновки Дмитрій Новиковъ, Петръ Ефремовъ, Прокопій Ефремовъ и пензенская мѣщанка

Настасья Новикова, судившаяся раньше. Хотя признаков оскотления у Новиковой не обнаружено, но по данным дѣла и показаніямъ свидѣтелей можно было заключить, что оскотление другихъ лицъ совершено, если не лично ею, то несомнѣнно по ея убѣжденію. На допросахъ Новиковъ и Ефремовы показали, что они оскотлены во время сна, неизвѣстно кѣмъ. Настасья Новикова была одною изъ тѣхъ пророчицъ, которыя существуютъ въ каждой скопческой общинѣ¹⁾.

Скопческая ересь отличается живучестью и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайною скрытностью. Главная опасность ея заключается въ томъ, что скопцы исполняютъ всѣ таинства Церкви и обряды, по видимому, весьма усердно.

Двѣ болѣе существенныхъ причины увеличиваютъ число послѣдователей этой ереси. Первая изъ нихъ заключается въ образѣ жизни скопцовъ. Скопцы Пензенской епархіи ведутъ скромную жизнь, которая, вмѣстѣ съ ихъ воздержаніемъ отъ мяса и вина, невольно располагаетъ къ нимъ простыхъ и неопытныхъ крестьянъ, судящихъ о сущности вѣры по внѣшности. Другая причина—матеріальная. Для распространенія своего ученія скопцы незамѣтно втягиваютъ нуждающихся (особенно крестьянъ) въ долговныя обязательства. Подъ видомъ христіанскаго благотворенія, они не отказываютъ просящимъ у нихъ бѣднякамъ, а иногда даже предваряютъ такія просьбы, хотя не забываютъ обезпечить себя надлежащими документами. Вопросъ о причинахъ и виновникахъ распространенія этой секты въ Пензенской епархіи весьма подробно разсмотрѣнъ въ статьѣ г. Ремезова²⁾.

¹⁾ См. П. Е. В. 1877 г. № 4-й

²⁾ П. Е. В. 1889 г. № 17.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить появленіе въ Пензенской епархіи (около 10-ти лѣтъ назадъ) Пашковщины, которую разныя лица стремятся распространить въ средѣ рабочаго люда, указаніемъ будто-бы правильнаго пути въ царствіе небесное. Орудіемъ для этого избираютъ бесплатную раздачу брошюръ, написанныхъ въ мистически—протестанскомъ духѣ и устную проповѣдь *).

IV.

Съ перваго же времени своего появленія въ Пензенской епархіи, раскольники и сектанты сосредоточились въ нѣкоторыхъ селахъ, которыя и сдѣлались ихъ центральными пунктами, напр. с. Поимъ въ Чембарскомъ уѣздѣ, с. Царевщина—въ Мокшанскомъ, с. Нижній Шкафтъ—въ Городищенскомъ и пр. Въ отчетѣ Пензенскаго губернатора за 1857-й годъ мѣстами жительства раскольниковъ показаны а) въ Пензенскомъ уѣздѣ: г. Пенза, с. Алферьево и дер. Ивнякъ; б) въ Городищенскомъ—села: Павловское (Куракино), Куракино (Архангельское), Верхній Шкафтъ, Нижній Шкафтъ, Аришка, Перміево, Иванырсь (Богородицкое), Ильмино (Богоявленское), Чадаевка (Архангельское-Михайловское), Серманъ, Мордовская Садовка и деревни Уранка и Салмановка (Алексѣевка); в) въ Мокшанскомъ уѣздѣ села: Казачья Пелетьма (Рождественское), Посопная Пелетьма, Елисаветовка (Ульяновка) и Усть—Шукша (Архангельское); г) въ Саранскомъ—села: Соколовка, Напольный Вясь, Лада, Верхняя Пятина, Большая Ремезенка, Бѣлый Ключъ и деревни Михайловка и Монастырская; д) въ Наровчатскомъ—села: Шагаево, Абашево, Панское, Кочелаево и деревни Шагаева и Рыскино; е) въ Керенскомъ—села: Александровское и Марьино; ж) въ Нижне-Ломовскомъ села:

*) П. Е. В. 1887 г. № 8.

Блиповка, Большіе Верхи, Каменка, Варишка, Ростовка, Кувакъ, Студенецъ, Александровка, деревни: Малые Верхи, Курановка, Надеждино и Дмитріевка и з) въ Чембарскомъ— села: Знаменское, Дубовое, Михайловская Мача, Дмитріевское, Никольское-Поимъ, Агапово и деревни: Андреевка, Чернагай, Уваровка, Березенки, Богородское, Апалиха, Катиха, Поганка, Бѣлозериха, Топориха и Крюковка, а всего 1 городъ, 42 села и 22 деревни *).

По даннымъ, находящимся въ отчетѣ Иннокентіевскаго Братства за 1894—1895 гг., раскольники и сектанты, какъ и 40 лѣтъ назадъ, живутъ въ восьми уѣздахъ, кромѣ краснослободскаго и инсарскаго, сосредоточиваясь въ 87 пунктахъ (селахъ и деревняхъ).

IV.

Вопросъ о томъ, какъ велико было количество раскольниковъ и сектантовъ въ Пензенской епархіи, не можетъ быть рѣшенъ съ достаточною опредѣленностію. Нѣкоторые лица, занимавшіяся изученіемъ мѣстнаго раскола, не безъ основанія утверждаютъ, что увеличеніе числа раскольниковъ и сектантовъ относится ко времени прекращенія крѣпостнаго права. Съ этимъ отчасти можно согласиться. Помѣщичья опека была слишкомъ сильна, чтобы удерживать крестьянъ отъ уклоненія въ различныя лжеученія или, по крайней мѣрѣ, отъ видимаго зачисленія себя въ ряды отступниковъ отъ истинной вѣры. По даннымъ Начальника губерніи за 1857-й годъ т. е. 40 лѣтъ назадъ, въ Пензенской епархіи было 11.835 душъ раскольниковъ разныхъ сектъ обоаго пола. По уѣздамъ они распредѣлялись такъ: въ Чембарскомъ 3765, Нижне-Ломовскомъ 1633, Наровчатскомъ 1593,

*) Матеріалы для географіи и стат. Россіи, Стала ч. 1, стр. 366—369.

Городищенскомъ 487, Мокшанскомъ 170, Пензенскомъ 152, Саранскомъ 103 и Керенскомъ 9; въ Инсарскомъ и Краснослободскомъ уѣздахъ раскольниковъ не было. Всѣ раскольники раздѣлялись на три секты: приѣмлющихъ священство—6680 душъ, безпоповцевъ 843 и молоканъ 255; къ какимъ толкамъ принадлежали остальные 4057 душъ,—неизвѣстно.

По отчету Совѣта Иннокентіевскаго Братства, въ 1894—1895 г. всѣхъ раскольниковъ и сектантовъ въ Пензенской епархіи числилось 20054 душъ обоого пола ¹⁾

Преподаватель семинаріи **К. Корольковъ**.

Народныя воззрѣнія на св. пророка Ілію ²⁾.

20 день іюля мѣсяца посвященъ памяти ветхозавѣтнаго святого—пророка Іліи. Воззрѣнія нашего народа на этого святого весьма замѣчательны и заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться.

¹⁾ Для болѣе яснаго представленія о расколѣ и сектанствѣ въ Пензенской епархіи, мы прилагаемъ при семъ составленную нами карту, показывающую распредѣленіе послѣдователей раскола и сектанства по уѣздамъ и мѣста ихъ жительства; сверхъ сего, на картѣ указаны: единовѣрческія церкви, братства и отдѣленія иконно-книжнаго склада.

²⁾ Источниками для составленія статьи служили: Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 1; журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1863 г., январь, ст. Шапова: „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія“; Душеполезное Чтеніе, 1871 г. ч. 2: „Изъ церковно-народнаго мѣсяцеслова“; Православный Собесѣдникъ, 1883 г. ч. 3, ст. Попова: „Народныя представленія о святыхъ“; Русскій Паломникъ, 1896 г. № 30; Сахаровъ, Сказанія русскаго народа. (Народный дневникъ); Пенз. Епарх. Вѣд. 1893 г., № 22

Какъ извѣстно, нашъ простой народъ не понимаетъ причины, производящей громъ и молнію. Владыкою надъ громомъ и молніей, по народному воззрѣнію, является св. пророкъ Илія. „Илья грозы держитъ“, утверждаетъ народная поговорка. „Илья великій гудитъ“, обыкновенно говорятъ простолюдины при ударѣ грома. Нужно замѣтить, что народное представленіе о св. пророкѣ Иліи, какъ производителѣ грома, носитъ нѣсколько грубыя черты. Илья пророкъ, говоритъ народъ, ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ и на огненныхъ коняхъ; отъ стука колесницы, на которой развѣзжаетъ по небу Илія, происходитъ слышимый нами громъ. Въ заговорѣ на охрану противъ ружейныхъ ранъ, каковой заговоръ въ рукописи имѣютъ при себѣ главнымъ образомъ солдаты, читаемъ: „на морѣ — на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, гонитъ Илья пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ. Надъ тучею туча взойдетъ, молнія осіаетъ, дождь пойдетъ — порохъ залететь.... Какъ отъ кочета нѣтъ яйца, такъ отъ ружья нѣтъ стрѣлянья“.

Молнію народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую пророкомъ Иліей въ змѣя или діавола, который старается укрыться отъ нея въ деревѣ, строеніяхъ, въ животныхъ и даже въ человѣкѣ, отчего дерево расчепывается, строенія зажигаются, человѣкъ и животныя поражаются на смерть.

Св. Иліи приписывается простолюдинами не только громъ съ молніей, но и сила направлять тучи по усмотрѣнію: низводитъ на землю гдѣ дождь, гдѣ градъ, бури и т. под. Коль скоро Иліи пророку дана такая власть, то этимъ самымъ поставлено отъ него въ зависимость и плодородіе земли. Отсюда великорусская поговорка утверждаетъ: „Илія пророкъ въ полѣ конны считаетъ“. Поселяне наши думаютъ, что если градъ выбиваетъ мѣстами хлѣбъ, то это дѣло

Илія. Богъ „повелѣлъ пророку Ильи: когда ѡздишь на колесницѣ, щади нивы тѣхъ, которые раздаютъ хлѣбъ мѣднымъ полною мѣрою; а которые жадны, обмѣриваютъ и не вѣдаютъ милосердія, — у тѣхъ истребляй“. По изображенію стиха „12-ти пятницъ“ *) пророкъ Илія является покровителемъ всякаго плодородія: и земли, и животныхъ, и человека; но главнымъ образомъ онъ представляется покровителемъ земного плодородія.

Почитая пророка Илію покровителемъ земнаго плодородія и производителемъ урожаяевъ, народъ даетъ ему наименованіе надѣлящаго. Въ этомъ почитаніи пророка Илія покровителемъ земнаго плодородія находятъ для себя объясненіе многіе мѣстные обычаи. Во многихъ мѣстахъ до селѣ день пророка Иліи празднуется, какъ веселый и богатый новиною праздникъ. Испеченный изъ новой ржи хлѣбъ приносятъ въ этотъ день въ церковь для благословенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поселяне ставятъ на воротахъ чашку съ зернами ржи и овса, и прося священника „провеличатъ Илію на плодородіе хлѣба“.

Безъ сомнѣнія, представляя пророка Илію покровителемъ плодородія земли, народъ уже не могъ не представлять Илію вообще покровителемъ людей, благосостояніе которыхъ значительно обусловливается изобиліемъ плодовъ земныхъ. Въ одномъ заговорѣ читаемъ: „Я тебѣ, свѣ Иліи милостивому, помолюся и поклонюся о себѣ, рабѣ Божіемъ (имя)“.

*) Это одно изъ популярнѣйшихъ созданій народной фантазіи; его можно встрѣтить во многихъ домахъ у нашихъ поселянъ; оно употребляется наряду съ книгами священными, какъ предметъ назидательнаго чтенія; изъ неграмотныхъ многіе знаютъ его наизусть.

и во моемъ шромислѣ, и какъ ты, св. Ілія милостивый, на своемъ савосивомъ конѣ ѣздишь, во всѣ четыре страны, по крутымъ, краснымъ горамъ, по желтымъ пескамъ; и какъ ты, св. Ілія милостивый, своимъ святымъ духомъ подымаешь и очищаешь бѣлыя снѣгъ съ крутыхъ горъ, съ желтыхъ песковъ, и на берега омываешь, очисти же ты съ меня раба Божьяго (имя) и съ моего угодія и съ моихъ ставушекъ и ловушекъ всякихъ, всяку порчу и всяку притчу“.

Кромѣ признанія пророка Іліи владыкою грозъ и покровителемъ земного плодородія, народъ русскій считаетъ его еще побѣдителемъ нечистой силы, которая, по народному воззрѣнію, есть виновница болѣзней и которая не только сама причиняетъ людямъ болѣзни, но и посылаетъ ихъ на людей чрезъ колдуновъ, вѣдуновъ, богоотступниковъ, которыхъ поэтому народъ боится. На борьбу съ діаволомъ, виновникомъ болѣзней, народъ русскій выставляетъ множество святыхъ, которые, по ихъ воззрѣнію, и защищаютъ людей отъ губительнаго дѣйствія нечистой силы. Въ числѣ этихъ святыхъ встрѣчается и пророкъ Ілія. „Еще покорюся я, рабъ Божій“, читаемъ въ заговорѣ отъ разныхъ болѣзней, „Ильѣ пророку: свѣты ты, Ілья пророкъ, огненная карета и огненная колесница, туго ты тянешь, мѣтко стрѣляешь, врага и супостата убиваешь и огнемъ опаляешь, чтобы меня, раба Божія, не испорчивать, не исколдовывать, ни колдунѣ, ни влomu и лихому человѣку“. Самую защиту людей отъ дѣйствія враждебной силы народъ рисуетъ въ видѣ отстрѣливанія болѣзней. Въ заговорѣ отъ сибирской язвы читаемъ: „молюся тебѣ, св. пророче Божій Ілія, пошли тридцать ангеловъ въ златокованномъ платьѣ съ луки и стрѣлы, да отбиваютъ и отстрѣливаютъ отъ раба (такого-то) уроки и призоры, притки и щипоты, ломоты и вѣтроносное язво“. Или послѣ воззванія къ пророку Іліи и анге-

ламъ причитываютъ: „спустите вы имъ громъ и молнію, отбивайте и отстрѣляйте отъ раба Божія уроки и призоры, потяготы и позявоты“ и т. п. Нужно замѣтить, что, по народному повѣрью, не только самъ пророкъ Ілія страшень для нечистой силы. Даже дождь, который проливается въ посвященный ему день, имѣетъ великую силу. Ильинскимъ дождемъ умываются и окачиваются отъ вражьихъ чаръ, очнаго призора и болѣзней.

Что касается очищеворенія грома и молніи съ дождемъ въ образѣ пророка Іліи, то надобно замѣтить, что онъ представляется молніеноснымъ и тученоснымъ громовержцемъ не у насъ только, но и у другихъ народовъ: сербовъ, болгаръ, кавказскихъ племень и пр.

Такъ какъ пророкъ Ілія, по народному представленію, является могучимъ и грознымъ распорядителемъ самыхъ страшныхъ и благодѣтельныхъ силъ природы, то предки наши съ глубокой древности привыкли особенно благоговѣть предъ этимъ угодникомъ. Извѣстно, напр., изъ Несторовой лѣтописи, что еще въ глубокой древности въ Кіевѣ существовала церковь во имя св. пророка Іліи. И въ наше время св. пророкъ Ілія принадлежитъ къ числу наиболѣе уважаемыхъ и чтимыхъ нашимъ простымъ народомъ угодниковъ Божіихъ. Уже одно то обстоятельство, что церкви въ честь пророка Іліи встрѣчаются сравнительно чаще, чѣмъ въ честь другихъ святыхъ, ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и широко распространенный обычай служить молебны этому угоднику въ день его памяти. 20 іюля, въ день, ему посвященный, ничего не работаютъ, особенно въ полѣ, потому что св. Ілія за непочтеніе назначеннаго ему праздника, убьетъ громомъ или сожжетъ. Это вѣрованіе крѣпко держится, такъ какъ оно оправдывается нерѣдкими примѣрами наказанія Божія

за непочтеніе сего праздника. Какъ извѣстно, въ народѣ весьма распространено почитаніе двѣнадцати избранныхъ пятницъ въ году. Одна изъ этихъ пятницъ—въ честь пророка Іліи пользуется особеннымъ почитаніемъ среди простого народа. По суевѣрному представленію, за почитаніе пятницы въ честь пророка Іліи люди находятъ себѣ покровительство отъ пророка. Онъ спасаетъ почитающихъ эту пятницу „отъ грома“, отъ „огня—отъ пламени“, отъ „огня—отъ пожару“ и т. п.

Начало указаннымъ воззрѣніямъ о св. пророкѣ Іліи кроется въ самой глубокой древности и относится, по всей вѣроятности, къ первымъ временамъ принятія нашими предками—славянами христіанства. Съ принятіемъ христіанства многія изъ старыхъ языческихъ представленій были перенесены на нѣкоторыя лица ветхо—и новозавѣтныхъ святыхъ. Младенчески неразвитый народъ не въ состояніи былъ разорвать своихъ связей съ праѣдовской стариною, не могъ отрѣшиться отъ вѣрованій и убѣжденій своихъ предковъ и многое невольно, безсознательно вносилъ въ область новой христіанской религіи. Отсюда на пророка Ілію были перенесены все атрибуты и все значеніе древняго бога Перуна. По языческимъ представленіямъ, Перунъ владѣлъ громомъ и молніей, разѣзжалъ по небу на колесницѣ, на крылатыхъ огнедышащихъ коняхъ, разилъ демоновъ огненными стрѣлами, проливалъ дожди и въ воспитывалъ жатвы. Тѣ же черты даетъ народная фантазія и св. пророку Іліи. Такимъ образомъ, въ народныхъ воззрѣніяхъ пророкъ Ілія смѣнилъ языческаго бога Перуна. Отсюда понятнo, почему Бѣлоруссы и доселѣ громовый ударъ называютъ прямо Перуномъ. „Перунъ запаливъ“,—обыкновенно говорятъ они о пожарѣ, происшедшемъ отъ

громоваго удара. Также и литовцы, когда слышатъ громъ, говорятъ: „Перкунь (т. е. Перунъ) ѣдетъ на своей колесницѣ“.

Почему же въ народно-христіанскомъ міросозерзаніи именно пророкъ Ілія является производителемъ грома, молніи и дождя? Откуда могло взяться такое представленіе? Причина, почему народъ считаетъ св. пророка Ілію подавателемъ дождя и владыкою надъ громомъ и молніей, прежде всего заключается въ сказаніи о жизни св. пророка. Изъ сказанія о жизни св. пророка Іліи извѣстно, что онъ чудеснымъ образомъ низводилъ съ неба всепожирающей огонь, творилъ засуху и проливалъ дождь, а при кончинѣ чудесно взятъ на небо на огненной колесницѣ и огненныхъ коняхъ (3 Царств. гл. 17—19; 4 Царств. гл. 1—2). Въ апостолѣ, читаемомъ въ день памяти пророка Іліи, эти чудесныя дѣйствія его разсказываются такимъ образомъ: „Ілія бѣ человекъ подобострастенъ намъ и молитвою помолися, да не будетъ дождь, и не одожди по земли лѣта три и мѣсяць шесть: и паки немолися, и небо дождь даде и земля прозябе плодъ своей“ (посл. Іаков. 5, 17—18 ст., зачало 57). Въ канонѣ послѣдованія во время бездождія, въ 8-ой цѣснѣ, также указывается на изведеніе Іліею дождя: „Ілія словомъ дождь держитъ за земли и паки словомъ съ небесе низводитъ“. Въ канонахъ церковныхъ въ честь нѣкоторыхъ русскихъ святыхъ часто встрѣчались выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „возгремѣвый Ілія на колесницѣ... яко на огненной колесницѣ чистотою востече въ небесная жилища... Освятяину Іліи поревновавъ, якоже сей огненною колесницею къ небеси востекъ“... Въ нѣкоторыхъ поученіяхъ, предлагавшихся народу въ церкви въ день пророка Іліи, встрѣчаются такіе образы въ похвалахъ пророку Іліи: „Ілія огненный Христову пришествію вторый предтеча, Ілія тученосный облакъ, Ілія небо-

парный орелъ" и т. п. Въ нашихъ старинныхъ сборникахъ помѣщались такія объясненія молніи: „молнія есть сіяніе огня, сущаго вверху на тверди; небесный же огонь, то ты разумѣй огонь сущій, егоже Илія молитвою сведе на поляна и на всесоженіе: сего огня сіяніе есть молнія“.—Слыша и читая, что Илія огненосный и тученосный на огненныхъ коняхъ шествіемъ по небесному кругу просвѣщается, что Илія Θεсвитянинъ возгремѣлъ на огненной колесницѣ, что онъ тученосный облакъ дождь на землю низводитъ, народъ легко могъ привыкнуть къ представленію, будто пророкъ Илія есть непосредственный виновникъ урожаявъ или неурожаявъ, грома и молніи, и ѣздитъ до сихъ поръ на огненной колесницѣ во время грозы. На лубочной картинѣ пророкъ Илія изображается на колесницѣ съ огненными колесами, которая окружена со всѣхъ сторонъ пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями. Лошадьми управляетъ ангелъ, а пророкъ Илія держитъ въ рукѣ мечъ.

Возрѣніе на св. Илію, какъ на владыку грозъ и подалеля дождя, имѣющее для себя основаніе, какъ мы видѣли, въ сказаніяхъ объ Иліи, могло закрѣпиться въ народномъ сознаніи сильнѣе еще отъ того, что память пророка Иліи совпадаетъ сравнительно съ дождливимъ временемъ года и вмѣстѣ съ началомъ жатвенной поры. Но такъ какъ въ эпоху язычества въ это время чествовался Перунъ, богъ-покровитель плодородія, то весьма естественно народныя представленія о богѣ земнаго плодородія могли смѣшаться съ представленіемъ объ Иліи пророкѣ. Это тѣмъ болѣе могло произойти, что древнерусскій народъ имѣлъ хотя и темное воспоминаніе о древнемъ языческомъ божествѣ, Перунѣ, и находилъ много сходныхъ чертъ въ жизни пророка Иліи съ Перуномъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наши простолюдины совершенно не знаютъ древняго Перуна, но остатокъ самыхъ вѣрованій въ это миѳическое существо и доселѣ живетъ въ памяти народной, по связи съ св. пророкомъ Илію. Особенно крѣпко держится въ простонародьѣ возрѣніе на св. пророка Илію, какъ на производителя грома и молніи. Въ этомъ возрѣніи находитъ для себя объясненіе пагубный обычай не тушить пожаровъ, произведенныхъ ударомъ грома. Въ данномъ случаѣ суевѣріе перешло съ теоретической почвы на практическую и приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. „Это святой огонь“, говорятъ крестьяне; „его можно тушить развѣ только молокомъ; а всего лучше и совсѣмъ не тушить, иначе Богъ простретъ свою руку на всѣхъ, и огонь распространится по всему селу“. И палаютъ цѣлыя строенія со всѣмъ запасеннымъ въ нихъ добромъ, а суевѣрный народъ стоитъ сложа руки, даже при возможности положить предѣлъ несчастію. Въ одной деревушкѣ загорѣлся отъ молніи навѣсъ, подъ которымъ хранились телѣги, сохи, бороны и другія сельскохозяйственныя принадлежности. Толпа народа, собравшаяся на пожаръ, не позволила хозяину вытащить ихъ изъ—подъ навѣса, хотя сдѣлать это было вполне возможно. Этому мало. Вблизи навѣса лежали сосновыя доски, приготовленныя для постройки. Огонь вѣроятно совсѣмъ не коснулся бы этихъ досокъ, по напуганное воображеніе крестьянъ подсказало имъ бросить и ихъ въ пламень. Съ трудомъ можно вѣрить этому сообщенію; къ сожалѣнію оно вполне достоверное.

Надѣмся, что просвѣщеніе въ духѣ Св. Церкви Христовой, на которое теперь обращено большое вниманіе, внесетъ свѣтъ въ жизнь народную.

В. Масловскій.

ДОЛГЪ ИЛИ ЛЮБОВЬ? *)

(Р А З С К А З Ъ).

Была одна изъ самыхъ темныхъ весеннихъ ночей. Холодный сѣверовосточный вѣтеръ дулъ съ ужасающей силой. Свинцовыя облака, нависши надъ землей, съ страшной быстротой бѣжали по небу.

Широкая, многоводная рѣка К. грозно шумѣла, играя волнами, точно море въ бурную погоду. По всему пространству широко разливавшейся рѣки грядями бѣжали волны, разбиваясь другъ о друга и обдавая окружающее мелкой водяной пылью..

Плохо приходилось тѣмъ, кого ночь застала на рѣкѣ. Смерть постоянно витала надъ головами ихъ, и мутныя волны ежеминутно грозили поглотить въ своихъ холодныхъ водахъ несчастныхъ пловцовъ...

Вдругъ сильный, рѣзкій окрикъ пронесся надъ рѣкой, пересиливая все возраставшій шумъ и грохотъ расходившихся стихій.

Это — крикнулъ рулевой на лодкѣ, которая съ величайшимъ трудомъ старалась пересѣчь рѣку по направленію къ селу, раскинувшемуся по возвышенному берегу рѣки. Огни, тамъ и сямъ мерцавшіе въ домикахъ обывателей села, служили для рулевого маякомъ, опредѣлявшимъ направленіе лодки.

Въ лодкѣ было пятеро мужиковъ. Одинъ управлялъ рулемъ, а четверо сидѣли на веслахъ. Все это былъ народъ приземистый, съ сильно развитыми мускулами, привычный къ бурямъ и непогодамъ. Было по всему видно, что они постоянно проводили время на водѣ и были хорошо знакомы

*) Перепечатываемъ изъ „Паст. Собесѣд.“ 1896 г. съ нѣкоторыми сокращеніями. Ред.

со всѣми ужасами бурной ночи на многоводной, разлившейся на десятки верстъ, рѣкѣ.

Совершенно растегнутыя фуфайки, несмотря на пронизывающей до костей вѣтеръ; обильный потъ, струившійся по ихъ губамъ и лицамъ; серьезные, нахмуренныя лица; свѣтившіеся стальнымъ блескомъ и упорно смотрѣвшіе предъ собой глаза,—все показывало, что даже привычнымъ людямъ,—рыбакамъ,—какими были они,—ночная переправа чрезъ бушующую рѣку была въ высшей степени тяжела и опасна. Замѣтно было, что только крайняя нужда погнала ихъ изъ теплаго угла на борьбу съ разбушевавшейся стихіей.

Прошелъ томительный часъ, прежде чѣмъ лодка пристала къ берегу.

Гребцы вышли на берегъ и всѣ разомъ, точно по командѣ, перекрестились на темнѣвшую впереди церковь.

— Слава Тебѣ, Господи! Приѣхали,—проговорилъ одинъ изъ гребцовъ.

— Ужь и ночь! Сроду не видалъ такихъ,—замѣтилъ рулевой, вытирая рукавомъ рубахи потъ съ лица.

— Да, подтвердили другіе и, застегивая на ходу свои фуфайки, направились къ темнѣвшей впереди ихъ церкви.

Почти напротивъ самой церкви блестяло въ темнотѣ нѣсколько огоньковъ, расположенныхъ въ рядъ и принадлежащихъ, по всѣмъ признакамъ, одному дому. Судя по огнямъ, домъ былъ сравнительно большой. Въ сосѣдствѣ свѣтились только три огонька. Тотъ домъ, который былъ побольше, принадлежалъ священнику, а три огонька, привѣтливо мерцавшіе въ темнотѣ, принадлежали дому псаломщика.

Въ домѣ священника начался скромный ужинъ. Вдругъ въ одно изъ оконъ кухни кто-то громко застучалъ снаружи.

— Кого-то Богъ несетъ въ такую погоду? — положивши на столъ ложку, проговорилъ о. Андрей. — Матрена! отопри и спроси, чего нужно?

— Вѣроятно, треба сказала матушка. — И видно спѣшная, если пришли въ такую погоду. Опять не дадутъ тебѣ поуживать, какъ слѣдуетъ.

Вошла кухарка.

— Батюшка! къ вамъ... Изъ Зарѣчья съ требой мужики пріѣхали... Семень съ братьями да съ работникомъ...

— Изъ Зарѣчья?! ужаснулась матушка — Да кто въ такую погоду, да еще ночью, поѣдетъ чрезъ рѣку?!

О. Андрей въ это время уже отворялъ дверь въ кухню и вошелъ въ нее. Знакомые намъ рыбаки разомъ встали и одинъ за другимъ подошли подъ благословеніе.

— Что вамъ нужно, ребята? — ласково спросилъ ихъ о. Андрей.

— Къ вамъ батюшка, съ просьбой, — заговорилъ коренастый мужикъ, который во время переправы управлялъ рулемъ. — Матушка у насъ, вишь, помираетъ. Просить сподобиться. Ужь сдѣлайте милость, не откажите.

При послѣднихъ словахъ мужики поклонились о. Андрею.

— Какъ? Матвѣевна захворала? спросилъ о. Андрей. — Да вѣдь я ее недавно видѣлъ. Здоровехонька была.

О. Андрей зналъ эту семью и любилъ ее.

— Не знаемъ, что и сдѣлалось съ ней. Третьеводни прихватило... Умираю, говорить... Съѣздите за батюшкой, — говорили въ одинъ голосъ мужики.

О. Андрей ничего не говорилъ. Молча, онъ сѣлъ за столъ и взялъ ложку, но немного подержавши, опять положилъ ее на столъ. Было замѣтно, что онъ хотя и смотрѣлъ на жену и слышалъ ея слова, но ничего не понималъ.

На лицѣ его отражалась сильная, мучительная, внутренняя борьба.

— А все-таки нужно ѣхать, — наконецъ проговорилъ онъ.

— Тамъ Матвѣевна, чай, — ждетъ съ нетерпѣніемъ.

— Неужели ты собираешься ѣхать? всплеснула руками жена. — Подумай...

— Да! нужно ѣхать, хотя и опасно, — проговорилъ о. Андрей. Хотя личному счастью моему и грозитъ опасность, но... тамъ ждетъ утѣшенія умирающая старуха... Нашъ долгъ — презирать для паствы личныя удобства.

Матушка во все время его рѣчи ужасно волновалась и все порывалась что-то сказать. — Да вѣдь никто не осудить, если ты не поѣдешь, — наконецъ проговорила она. — Всѣ поймутъ, что ты такъ сдѣлалъ не изъ трусости, а повинуюсь благоразумнымъ требованіямъ разсудка. Вѣдь жизнь твоя дороже и для семьи, и для прихода, чѣмъ желаніе Матвѣевны. И Богъ не спросить съ тебя. Онъ видитъ, что ты руководился благоразуміемъ, а не страхомъ опасности.

Матушка говорила съ сильнымъ чувствомъ, дрожащимъ голосомъ, съ нервной жестекуляціей.

— А совѣсть? спросилъ ее, поднявши глаза отъ тарелки, о. Андрей. — Что она скажетъ? Что мнѣ людскіе толки предъ судомъ совѣсти?

Голосъ его постепенно крѣпъ, какое-то вдохновеніе зажигалось въ его глазахъ. Онъ всталъ со стула.

— А совѣсть? спрашиваю я, — повторилъ онъ. — Куда я дѣнусь отъ ея суда?... А что она осудить, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. — Если, не дай Богъ! Матвѣевна умретъ безъ покаянія, и это будетъ по моей винѣ, — что тогда будетъ?... У меня всегда будетъ стоять предъ глазами покойница и кротко, но укоризненно будетъ смотрѣть на меня. „Эхъ, ты, — буду читать въ ея взорѣ, — пастырь православный,

призванный душу свою полагать за овцы своя! Куда дѣлась твоя горячая и настойчивая проповѣдь о долгѣ каждаго христіанина предпочитать земное, тленное скоропереходящее—вѣчному, небесному блаженству во Христѣ? Гдѣ та любовь человѣческая, которая ничего не падить для друга,—вѣнецъ которой—пожертвованіе жизнью за ближнихъ своихъ?! Значить, все, что ты говорилъ,—одни только пустыя слова? Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?..

О. Андрей смотрѣлъ на жену, но не видѣлъ ея. Онъ весь ушелъ въ созерцаніе нарисованной имъ картины. Глаза его блестя. Онъ подвѣлъ предъ собой руку,—и въ этомъ видѣ казался какимъ-то вдохновеннымъ пророкомъ.

Жена слушала его нервную рѣчь съ широко раскрытыми глазами. Не смотря на серьезность минуты, она залюбовалась на него: такъ хорошъ, такъ дорогъ ей онъ показался въ эти мгновенья!

О. Андрей замолчалъ. Потомъ какъ бы очнувшись отъ сна,—онъ выпрямился и рѣшительнымъ тономъ проговорилъ: „ѣду“.

На минуту забывшая страшную дѣйствительность, ма-тушка очнулась. Сознаніе опасности опять съ страшной силой заговорило въ ней.

— А вдругъ ты утонешь? Что я буду дѣлать? Вѣдь, подумай, у тебя дѣти *). Что съ ними-то будетъ?—съ ужасомъ спрашивала она, совершенно пораженная рѣшительнымъ тономъ мужа.

— Что будетъ, то будетъ и того не миновать;—съ на-пускной веселостью проговорилъ о. Андрей. Ужинать уже я не стану. А ты-бы Саша, дала мнѣ чегонибудь потеплѣе одѣться. Холодно на волѣ-то...

---

*) У о. Андрея было два сына и дочь—всѣ малолѣтніе.

— Вдругъ, не дай Богъ, утонешь, что съ нами будетъ?...

— Ну, Богъ дастъ,—ничего не будетъ. Приѣду завтра невредимъ... А отказаться,—ты сама понимаешь,—нельзя. Старуха была большая радѣльница до церкви,—очень, очень религіозна... Ей это послѣднее утѣшеніе здѣсь, на землѣ. Видишь, докторъ-то отказался ѣхать,—хоть это и не по совѣсти,—а намъ, священникамъ, отказываться нельзя. Насъ все осудятъ... Да и Богу отвѣтъ дамъ за это. А мука-то теперь для нея какая: ждетъ, чай, не дождется меня... Послѣднее ей утѣшеніе осталось на землѣ... А ты все-таки давай—готовь меня въ дорогу.

Слова о. Андрея, видимо, подѣйствовали на матушку. Она уже съ меньшимъ волненіемъ стала готовить мужа въ дорогу, отыскивая ему теплую одежду.

Тѣмъ временемъ о. Андрей вышелъ въ кухню къ ожидавшимъ его рыбакамъ, которые бесѣдовали съ кухаркой о болѣзни Матвѣевны.

Увидя о. Андрея, мужики встали.

— Ну вотъ что... Я ѣду. Ты, Семень,—обратился о. Андрей къ рулевому,—пойдемъ со мной въ церковь. Нужно взять тамъ дароносицу.

— Слушаю, батюшка,—проговорилъ Семень и началъ застегивать свою фуфайку.

О. Андрей, вернувшись въ столовую, надѣлъ простые „русскіе“ сапоги, которые приготовила для него матушка,—теплый ватный подрясникъ и, взявши шляпу и церковные ключи, вошелъ въ кухню.

Семень былъ готовъ и держалъ въ рукахъ свою шапку. Оба вышли изъ кухни.

Взявши изъ церкви дароносицу, о. Андрей съ глубокимъ чувствомъ помолился предъ царскими вратами и вышелъ изъ церкви.

Дома, между прочимъ все было готово. На столѣ лежала мѣховая шапка. Въ кухнѣ на лавкѣ лежали драповая ряса, рукавички и байковое одѣяло—закрѣпить ноги.

О. Андрей нѣсколько разъ истово перекрестился передъ образами.

— Благослови дѣтей—то,—сказала матушка.—Вѣдь неизвестно, что будетъ... Можетъ больше и не увидишь ихъ. Въ ея голосѣ слышались слезы.

О. Андрей поспѣшно благословилъ каждого изъ дѣтей, которыя все время съ любопытствомъ наблюдали за происходившимъ, не понимая, отчего такъ волнуются отецъ и мать.

— Прощай, родной мой! кинулась матушка на шею мужа.

Слезы ручьемъ текли у нея изъ глазъ. Она такъ и замерла, припавши къ его груди...

— Ну, полно, полно... проговорилъ онъ, хотя у него самого голосъ задрожалъ, и слезы едва-едва не капали изъ глазъ. Видимо, онъ бодрился, не желая въ конецъ разстроивать жену.

— Видишь, дѣти заплакали, глядя на тебя,—проговорилъ онъ и нѣжно отнял ея руки.—Возьми ихъ: имъ вредно плакать на ночь...

О. Андрей торопливо вышелъ въ кухню. Одѣвшись, онъ направился къ двери. Всѣ потянулись за нимъ. Всѣмъ чувствовалось неладно. Мужикамъ не хотѣлось идти изъ тепла на холодный, пронзительный вѣтеръ. О. Андрея пробирала нервная дрожь, при представленіи опаснаго переѣзда черезъ рѣку. Матушка и кухарка, провожавшія отъѣзжающихъ, были взволнованы тѣми же непріятными мыслями объ опасномъ пути.

Густой мракъ охватилъ о. Андрея и его спутниковъ, какъ только они вышли изъ дома. Ночная темнота еще болѣе усиливалась рѣзкимъ переходомъ отъ свѣта къ мраку. Вѣтеръ порывисто дулъ. Свинцовыя тучи низко пробѣгали надъ землей. Моросилъ мелкій дождикъ, обдавая путниковъ, при сильныхъ порывахъ вѣтра, водяною пылью.

— Прощайте—послышались голоса провожавшихъ.

Раздался стукъ захлопнутой калитки и визгъ задвигаемаго засова.

— Давайте, батюшка, руку,—проговорилъ Семень.— А то не равно не упадете. Ишь какая тьма!.. Долго ли до грѣха,—поскользнется или запнетесь за что!..

И взявши за руку о. Андрея, онъ самоувѣренно зашагалъ по направленію къ рѣкѣ.

— Плоховько будетъ оѣхать-то, Сеня!—обратился къ провожатому о. Андрей.

— Ужъ такъ плохо, такъ плохо, что и не знаю!.. Кабы не матушка, кажись,—и со двора не вышелъ бы въ такую погоду. Крещенный человекъ и собаку не выгонитъ сейчасъ, не токма—что!.. Извѣстно, только-нужда!..

— Дѣйствительно,—согласился о. Андрей,—если-бы не нужда, не поѣхали бы!.. А нужда такая, что не оѣхать нельзя. Неравно помретъ безъ причастія. Великій грѣхъ будетъ на нашей душѣ, если это случится по нашей винѣ!..

Бесѣдуя, они дошли до берега и безъ труда отыскали свою лодку.

Семень подтянулъ ее поближе къ берегу. Вскочивши въ лодку, онъ помогъ перейти на нее и о. Андрею. За нимъ вошли въ лодку и гребцы. Заботливо усадивши о. Андрея и закутавши ему ноги принесеннымъ одѣяломъ, Семень соскочилъ на берегъ и отвязалъ веревку отъ столбика. Лодку сильно откинуло отъ берега, такъ что Семень едва

не слетѣлъ въ воду. Однако соединенными усиліями Семена и гребцовъ ее тотчасъ же удалось поставить на прежнее мѣсто.

— Ну, Господи, благослови! проговорилъ Семень и прыгнулъ въ лодку. Послѣдняя закачалась и пошла отъ берега.

Переѣзжать чрезъ рѣку было весьма трудно. Сильный, порывистый вѣтеръ поднималъ громадныя волны, которыя съ шумомъ катились одна за другой. Волны были еще крупнѣе тамъ, гдѣ находилось обыкновенное русло рѣки.

Лодку кидало волнами изъ стороны въ сторону. Семень, стоявшій на рулѣ, зорко смотрѣлъ по сторонамъ и въ нужный моментъ ставилъ лодку такъ, чтобы волны не могли опрокинуть ее.

Среди гребцовъ царствовало молчаніе. Ихъ нахмуренныя лица свидѣтельствовали, что они вполне проникнуты сознаниемъ опасности переѣзда. Они равномерно откидывались взадъ и впередъ, съ особенной силой налегая на весла, когда слышался крикъ рулевого: „берегись!“..

О. Андрей тоже молчалъ. Мысли вереницей пробѣгали въ его головѣ. Сознаніе опасности давило его. Онъ мысленно переживалъ всю свою прошедшую жизнь, видѣлъ дорогія лица жены и дѣтей. Съ изумительной отчетливостью и быстротой пробѣгали въ его головѣ факты его дѣтской, домашней жизни, его ученія, женитьбы и пастырской дѣятельности. Постепенная нить этихъ фактовъ почти постоянно прерывалась картинами семейной жизни. „Теперь, чай, укладываются спать“, — думалъ онъ. Его взору представлялась спальня. Жена съ помощью кухарки укладываетъ дѣтей. Послѣднимъ еще не хочется спать. Они шумятъ, не даютъ раздѣвать ихъ. „Тише, тише!“ останавливаетъ ихъ мать, и въ ея голосѣ, который она хочетъ

сдѣлать строгимъ,—невольно слышится горячая привязанность къ дѣтямъ...

— Саша,—милая!—шепчуть уста о. Андрея.

— „О, Господи!“—вдругъ крикнулъ одинъ изъ гребцовъ.

О. Андрей вздрогнулъ и оглянулся.—Оказалось, что у одного изъ гребцовъ вырвало изъ рукъ весло.

Тотчасъ же нацѣпили запасное весло, и лодка, попрежнему, медленно, съ страшной борьбой, продолжала пересѣкать рѣку.

Въ головѣ о. Андрея опять замелькали картины прошлаго.

Прошло томительныхъ полчаса послѣ того, какъ наши путники сѣли въ лодку. Быстрота течения и страшные порывы вѣтра сильно затрудняли переѣздъ черезъ рѣку. Впрочемъ, недалеко былъ уже другой берегъ, весь залитый водой. Тамъ было меньше опасности, хотя также рѣка несла свои мутныя волны съ стремительной быстротой.

Гребцы выбивались изъ силъ. Но энергія ихъ не только не ослабѣвала, но, казалось, выростала по мѣрѣ опасности.

Рулевой, точно прикованный, стоялъ на своемъ посту и однообразно выкрикивалъ „берегись!“,—когда громадныя волны грозили затопить лодку. Глаза его свѣтились металлическимъ блескомъ. Онъ, казалось, былъ въ своей стихіи; борьба съ бушевавшей рѣкой воодушевляла его.

Раздался вдругъ трескъ. Конецъ руля отломился и поплылъ по теченію.

Всѣхъ охватилъ ужасъ... Лодку, оставшуюся безъ управленія стало поворачивать, какъ щепку. Весла какъ то невольно выпали изъ рукъ гребцовъ...

Наступила страшная минута...

Бороться съ разъяренной рѣкой безъ руля было немислимо...

На всѣхъ лицахъ застыло выраженіе ужаса.

— Что же это такое? — пробормоталъ рулевой.

Энергія, повидимому, оставляла его.

— Потонемъ! — мрачно замѣтилъ одинъ изъ гребцовъ, и это слово какъ-бы отрезвило всѣхъ.

Во всѣхъ проснулась жажда жизни. Энергія, на минуту оставившая ихъ, проснулась съ необычайной силой. Вопросъ: „быть или не быть? жить или умереть?“ — поднялъ всѣ силы души. Мозгъ заработалъ съ отчаянной быстротой. Дрожавшія руки пріобрѣли прежнюю крѣпость... Весь организмъ приготовлялся къ смертельной борьбѣ съ страшнымъ врагомъ.

Готовилась борьба не на животь, а на смерть. Человѣкъ какъ-бы выдалъ вызовъ рѣкѣ на смертельный бой и рѣшилъ продать свою жизнь дорогой цѣной...

Всѣ были точно наэлектризованы.

— Будемъ держаться! — первый сказалъ Семень. — Куда-нибудь да вынесетъ.

Въ голосѣ его слышалась рѣшимость.

Остальные безмолвно согласились съ нимъ.

Весла заработали съ удвоенной силой.

Семень, взявши послѣднее запасное весло, старался замѣнить имъ руль. Лодка кое-какъ была направлена въ перерѣзъ рѣкѣ.

О. Андрей громко зачиталъ „канонъ на исходъ души“, который онъ такъ любилъ и зналъ наизусть. Голосъ его былъ едва слышенъ въ страшномъ шумѣ бушевавшихъ волнъ и вѣтра.

Всѣ молились. Всѣ каялись въ своихъ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ...

Между тѣмъ, борьба приходила къ концу. Вспыхнувшая было энергія стала ослабѣвать... Лодку опять начало

бросать изъ стороны въ сторону, и только, благодаря отчаяннымъ усилямъ гребцовъ, она еще держалась на водѣ.

Запасное весло не могло въ достаточной степени замѣнить руля. При томъ силы гребцовъ были значительно истощены предшествовавшей борьбой.

Всѣ видѣли близость конца.

О. Андрей, воодушевленный молитвой, громко дочитывалъ канонъ. Рыбаки горячо молились, готовясь безстрашно встрѣтить смерть лицомъ къ лицу. Они были закалены въ жизненной борьбѣ. Смерть неоднократно витала надъ ними. Такимъ людямъ она не особенно страшна...

О. Андрей кончилъ молитву. Только сейчасъ увидалъ онъ, какъ близка къ нимъ смерть. Мысленно онъ простился съ семьей. Ни одна слеза не вытекла изъ его сухихъ, воспаленныхъ глазъ.

— Видите, братцы, смерть къ намъ пришла, — закричалъ онъ, стараясь перекричать окружающій шумъ. — Покайтесь, пока есть время... А я, недостойный іерей, разрѣшаю васъ отъ всѣхъ грѣховъ.

О. Андрей широко осѣнилъ ихъ крестомъ.

— Прощай, закричалъ — было онъ, но не успѣлъ договорить. Кидавшія изъ стороны въ сторону лодку волны, наконецъ, перевернули ее...

Всѣ попадали въ воду.

А вѣтеръ по прежнему порывисто дулъ надъ рѣкой.

Громадныя волны грядями неслись по рѣкѣ...

О гибели ихъ узнали на другой же день.

Матвѣевна умерла вскорѣ послѣ отбѣзда сыновей.

Домашніе ея подождали о. Андрея, и, не дождавшись, рѣшили, что онъ въ виду плохой погоды, пріѣдетъ утромъ.

Утромъ, — чуть стало свѣтать, — въ село отправленъ былъ посоль съ извѣстіемъ о смерти Матвѣевны, чтобы о. Андрей не беспокоился даромъ.

Погода перемѣнилась. Точно природа ожидала жертвы и, какъ только она была принесена, — успокоилась. Вѣтеръ атихъ, и рѣка несла свои мутныя воды, какъ обычно — въ половодье.

Посланный пріѣхалъ въ село. Какъ только онъ сказалъ, что о. Андрей еще не бывалъ въ ихъ деревнѣ, матушка съ крикомъ упала на полъ.

Печальная вѣсть о кончинѣ любимата священника моментально облетѣла село. Масса народа двинулась къ домику о. Андрея.

Тамъ встрѣтилъ ихъ безутѣшный плачь. Матушка все падала въ обморокъ... Едва очнувшись, она снова впадала въ безсознательное состояніе. Дѣти ревѣли, смотря на окружающихъ. Кухарка плакала, горюя о погибшемъ и его семьѣ.

Крестьяне принялись утѣшать ихъ. Но ихъ простыя утѣшенія только разстраивали горе...

По рѣкѣ, между тѣмъ, заперстрѣли лодки. Отмыскивали утопленниковъ. Пущены были въ ходъ и сѣти, и багры, и вилы... Находились смѣльчаки, которые, не смотря на весенній холодъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ныряли на дно...

Только къ вечеру розыскали всѣ тѣла. Теченіемъ ихъ отнесло версты за три. Густые кусты, росшіе почти на берегу рѣки и совершенно затопленные водою, задержали ихъ.

Лодки отыскать не могли.

Какъ только матушкѣ сказали, что тѣло о. Андрея нашли, она вскочила съ постели, на которой лежала, и съ воплемъ выбѣжала изъ дома...

Съ непокрытой головой, безпорядочно одѣтая — она бѣжала по направленію къ рѣкѣ, откуда уже двигалась на встрѣчу ей печальная процессія.

Съ отчаяннымъ, раздирающимъ душу, крикомъ бросилась она на тѣло мужа, да такъ и замерла на немъ въ безпредѣльномъ горѣ.

Толпа остановилась. Пораженные такимъ страшнымъ проявленіемъ горя, бабы плакали навзрыдъ. Мужики потупили глаза. Ихъ суровыя, загрубѣвшія отъ житейскихъ невзгодъ, лица были величаво строги. Непроизвольныя слезы капали на забурѣвшія бороды и усы...

Суровая, закаленная нуждою, мужицкая душа не могла вынести вида обезумѣвшей отъ горя женщины!...

Безчувственную матушку едва оторвали отъ тѣла и на рукахъ понесли домой

Печальная процессія двинулась дальше.

Было что-то особенно торжественно-печальное въ этой массѣ народа, безмолвно, съ непокрытыми головами шедшаго за шестью трупами,—въ этой страшной картинѣ человѣческаго несчастія!..

На третій день, въ воскресенье, были назначены похороны.

Съ ранняго утра массы народа двигались по направленію къ селу. Всѣ знали и всѣ любили покойнаго о. Андрея.

Изъ уѣзднаго города, который былъ всего въ четырехъ верстахъ отъ села,—двигались вереницы экипажей и толпы пѣшихъ горожанъ. Слава о пастырской дѣятельности о. Андрея распространилась на десятки верстъ. Всѣ говорили объ его беззавѣтной любви къ прихожанамъ, объ его готовности удовлетворять,—насколько это было въ силахъ, всѣ духовныя и житейскіе запросы паствы:—о благолѣпніи его службъ, объ его школѣ, объ его заступничествѣ и ходатайствахъ предъ сильными міра сего и т. д.

Въ городѣ знали его и по проповѣдямъ, которыя онъ время отъ времени произносилъ въ мѣстномъ соборѣ. Жи-

вое, общедоступное изложение, превосходное произношение, искреннее, глубокое чувство любви къ ближнимъ, проглядывавшее въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ проповѣдника, — известная всѣмъ его высоконравственная жизнь, — все это влекло къ о. Андрею сердца его слушателей. Его словамъ съ церковной кафедрой всѣ внимали, какъ какому-то откровенію. Его наставленія проникали въ душу; его обличенія сдерживали многихъ... Когда онъ проповѣдывалъ въ соборѣ, — соборъ былъ полонъ молящихся.

Поклонники и почитатели о. Андрея шли теперь отдать ему послѣдній долгъ.

Кончина о. Андрея окружила его ореоломъ пастыря-мученика, ставшаго жертвой своего долга.

Всѣмъ хотѣлось поклониться праху почившаго...

Утро было замѣчательно хорошее. Чистое, прозрачное небо, весеннее солнце съ своими ослѣпительно-блестящими лучами, согрѣвавшее холодный еще апрѣльскій воздухъ и не вполне оттаявшую землю, — все указывало на близость весны, — той „настоящей“ весны, когда ожившая природа поетъ несмолкаемый гимнъ своему Творцу...

Гулко разнесся по окрестности первый ударъ большого сельскаго колокола... Еще не замеръ первый звукъ, какъ раздался второй..

Звонили къ „выносу“.

Шедшіе и ѣхавшіе заторопились...

Изъ церкви двинулся къ дому священника крестный ходъ.

Какъ только ходъ подошелъ къ дому, — предъ гробомъ началась литія. — Духовенство облачилось въ привезенныя каждымъ бѣлыя ризы. Старикъ-протоіерей изъ уѣзднаго города старческимъ, но еще свѣжимъ и звучнымъ теноромъ началъ литію. Всѣ усердно молились. Стоявшій около дома народъ тоже молился.

Литія окончилась. Матушка, все время стоявшая на колѣняхъ около кресла съ сухими, воспаленными глазами, — подошла къ гробу. Было что-то страшное въ выраженіи ея лица. Плотнo стиснутыя губы, нахмуренный лобъ, — точно она что-то все старалась вспомнить, отсутствіе слезъ, все это заставляло бояться за бѣдную женщину.

Всѣ потушили глаза. Никто не смѣлъ взглянуть въ лицо несчастной матушки.

Она какъ-то неестественно наклонилась надъ гробомъ, прильнула къ рукамъ покойнаго и долго-долго не могла оторваться отъ нихъ.

Старикъ-протоіерей подошелъ къ ней, нѣжно отвелъ ее отъ гроба и ласковымъ, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Ну, будетъ, будетъ! Полноте убиваться, матушка.

А у самого слезы катились изъ глазъ.

— Что же, вы? Берите скорѣе, — строго проговорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ; но эта видимая строгость нисколько не гармонировала съ его заплаканнымъ лицомъ и дрожавшимъ отъ слезъ голосомъ.

Діаконы и священники подняли на полотенцахъ гробъ и начали выносить его изъ дома.

Предъ домомъ была толпа — тысячи въ двѣ человекъ. Предъ вынесеннымъ изъ дома гробомъ опять началась литія. Въ это время печальная процессія устраивалась и вытягивалась по направленію къ церкви.

Во все продолженіе недалекаго пути шѣлись литіи, такъ что нѣсколько десятковъ сажень, отдѣлявшіе домъ священника отъ церкви, — были пройдены едва только въ полчаса.

Печальный перезвонъ колоколовъ, плачь въ толпѣ народа, убитые горемъ родные и знакомые почившаго, громадная толпа народа — все это вмѣстѣ составляло такое печально-

торжественное зрѣлище, что невольно появлялись слезы, и даже самые холодные, суровые люди чувствовали какую-то тяжесть, какое-то тоскливое давленіе, при видѣ этой картины. Радостный, ликующій видъ природы еще сильнѣе отбѣнялъ печальный характеръ процессіи.

Послѣ обѣдни, стройно процѣтой соборнымъ хоромъ изъ сосѣдняго города, начался торжественный обрядъ священническаго отиѣванія...

Духовенство, родственники покойнаго о. Андрея и нѣкоторые изъ знакомыхъ были приглашены на „помишки“.

Весь домикъ о. Андрея былъ наполненъ столами. Стоялъ чай и закуска.

Какъ только приглашенные собрались въ домъ, началось служеніе панихиды, послѣ которой былъ предложенъ чай.

За чаемъ начался оживленный разговоръ. Говорили больше объ о. Андрѣѣ.

Скоро завязался споръ. Старикъ-протоіерей заспорилъ съ о. Петромъ относительно мотивовъ, которыми руководился въ своей примѣрной пастырской дѣятельности покойный о. Андрей.

— Иѣтъ, позвольте, — горячился о. Петръ — покойный всегда имѣлъ въ виду любовь. Любилъ онъ, потому и дѣлалъ...

— Ошибаетесь, сто разъ ошибаетесь, — говорилъ протоіерей. Причемъ же тутъ любовь, когда достаточно было сознанія своего долга? О. Андрей хорошо сознавалъ, что онъ долженъ всѣ силы свои посвящать на служеніе ближнимъ, — и посвящалъ. Напримѣръ, возьмемъ хоть послѣдній случай. Развѣ это не по долгу дѣлалъ о. Андрей, когда поѣхалъ причащать старуху?! Онъ сознавалъ, что нужно ѣхать, что онъ долженъ ѣхать (протоіерей сдѣлалъ уда-

реніе на словѣ „долженъ“). Этого было достаточно, чтобы онъ поѣхалъ. Нѣтъ, сознаніе своего долга — великое дѣло.

Протоіерей благодушно вздохнулъ и оглянулъ всѣхъ присутствовавшихъ. Всѣ слушали споръ.

Прочитавши на всѣхъ лицахъ молчаливое согласіе съ своими словами, протоіерей снова заговорилъ, обращаясь къ о. Петру.

— Ну, что же? Развѣ не сознаніе долга высказалось въ послѣднемъ подвигѣ о. Андрея!?

— Нѣтъ, о. протоіерей, — я думаю иначе, — заговорилъ о. Петръ. Его глаза смотрѣли мимо протоіерея, куда то безцѣльно въ сторону.

— Я думаю, что не долгъ, а именно, любовь. Видите-ли. Приѣзжаютъ къ о. Андрею мужики, зовутъ его причащать умирающую старуху, которую, какъ мнѣ сказывали, — покойный зналъ и высоко цѣнилъ. Хорошо-съ. Ночь бурная. Рѣка расшумѣлась донельзя. Переправа опасна настолько, что только сумашествіе или самая крайняя нужда могутъ выгнать человѣка на рѣку. Что чувствовалъ о. Андрей? Развѣ сознаніе долга, — это сухое, холодное, отвлеченное сознаніе — могло такъ сильно подѣйствовать на его рѣшимость, что онъ поѣхалъ?! Развѣ оно одно могло переселить любовь къ жизни, къ близкимъ роднымъ и знакомымъ, страхъ смерти, — почти очевидной, — сознаніе того, что не осудятъ люди, если онъ и не поѣдетъ и т. д.?! — Нѣтъ. Тутъ другой мотивъ. Онъ прежде всего, вѣроятно, вспомнилъ, представилъ себѣ бѣдную, измучившуюся, изстрадавшуюся старуху, которая съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждетъ его съ послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. Онъ, несомнѣнно, вспомнилъ, какъ нашъ народъ боится умереть безъ причастія и покаянія, какъ жалѣетъ тѣхъ, кто не

сподобился получить разрѣшеніе грѣховныхъ узъ и въ послѣдній разъ вкусить Тѣла и Крови Господа!..

О. Петръ передохнулъ... Всѣ съ любопытствомъ слушали его горячую, нервную рѣчь.

— Онъ рисовалъ себѣ печальнѣйшую изъ печальныхъ картинъ. На широкой лавкѣ, разметавшись, лежитъ умирающая старуха.. Она постоянно спрашиваетъ, не пріѣхаль-ли батюшка, послали-ли за нимъ... Въ ея голосѣ слышится тревога... Она тревожно прислушивается къ завываніямъ вѣтра.. Каждый разъ, какъ отворяютъ дверь, она зорко глядитъ къ порогу: не пріѣхаль-ли желанный, ожидаемый ею батюшка... Въ ея потухающихъ глазахъ можно прочесть страшную нравственную борьбу, необыкновенныя душевныя муки... Ея душу угнетаетъ одна неотвязчивая дума: неужели батюшка не успѣетъ? неужели ей придется умереть, не сподобившись?. Страхъ, воистинѣ понятный для искренняго и сердечно вѣрующаго христіанина, — страхъ умереть не покаившись, — парализуетъ ее. Она страшно мучается... — Видитъ о. Андрей такую картину и въ сердцѣ его загорается любовь къ этой бѣдной старушкѣ. Онъ страдаетъ вмѣстѣ съ нею. Онъ торопится ѣхать. Онъ спѣшитъ, чтобы облегчить страданія несчастной, чтобы утишить клокочущую въ ея душѣ бурю... Мысль о пастырскомъ долгѣ далеко отъ него. На ея мѣстѣ стоитъ мысль о томъ, что его ждуть, страдальчески ждуть, что минуты его ожиданія становятся часами, днями, мѣсяцами, — пожалуй, даже — годами. Онъ страдаетъ со старухой, мучается съ ней... Его сердце пореполнено сострадающей любви... Гдѣ же тутъ сознаніе долга? Гдѣ же мысль о пастырскихъ обязанностяхъ?

О. Петръ вопросительно смотрѣлъ на протоіерея. Тотъ молчалъ. Молчали и остальные, съ крайнимъ интересомъ

слушавшіе о. Петра. Нарисованныя имъ картины, видимо, подѣйствовали на всѣхъ.

— Ваша психологія, пожалуй, будетъ вѣрна,—при-
нужденъ былъ согласиться протоіерей.—Дѣйствительно,
состраданіе къ умирающей старухѣ или, какъ вы называете,
—сострадающая любовь могла сильно подѣйствовать на
рѣшеніе о. Андрея. Но все-таки и сознание долга... по-
пробоваль слабо возразить онъ.

Но по всему было видно, что если онъ возразилъ, то
только для поддержанія своего авторитета.

О. Петръ понялъ это и согласился, что можетъ—быть и
сознаніе долга руководило о. Андреемъ, но что все таки—
главною причиною его рѣшимости на опасный путь была
любовь.

Присутствующіе вполнѣ согласились съ нимъ.

Оставшись одна, послѣ разъѣзда родныхъ и знакомыхъ,
молодая вдова почувствовала такую пустоту, такую без-
помощность, что страхъ и глубокое отчаніе овладѣли ею.

Испуганныя дѣти смиренно сидѣли на диванѣ и шепотомъ
переговаривались между собой.

Вдова сидѣла на креслѣ, въ залѣ. Безпомощное отчаяніе
отражалось во всей ея фигурѣ. Она думала о своей потерѣ,
о своей будущности, о сиротахъ—дѣтяхъ. Мысли пробѣ-
гали въ ея головѣ съ страшной быстротой. Печальныя кар-
тины будущаго чередовались съ печальными воспоминаніями
о только что пережитомъ. Вдругъ она вскочила съ кресла и
съ громкимъ воплемъ упала на колѣна предъ иконой
Спасителя.

— Господи! Господи! сильнымъ шепотомъ заговорила
она, судорожно ломая поднятыя кверху руки. Неужели
Ты оставишь насъ? Неужели бросишь насъ—горькихъ, без-
помощныхъ нуждающихся?

Ея глаза такъ и впились въ икону, точно она ждала отъ нея отвѣта.

Ликъ Спасителя казался ей сурово-укоризненнымъ. Точно Онъ хотѣлъ остановить неразумные вопросы пораженной страшнымъ горемъ женщины.

— Вѣдь, Ты—любовь. Ты самъ пострадалъ изъ-за любви. Неужели же Ты не сохранишь насъ, которые тоже—жертва любви? Андрияша погибъ изъ-за любви. Всѣ это говорятъ, и я сама знаю—что это такъ.

Она судорожнымъ движеніемъ встала, глаза блестя.

— Нѣтъ,—почти закричала она.—Нѣтъ! Ты не дашь намъ погибнуть. Я вѣрю въ это... Я вижу это.

Сурово укоризненный ликъ Спасителя исчезъ. Съ иконы глядѣлъ на нее кроткій, сострадающій Христосъ. На развернутомъ Евангеліи, которое Онъ держалъ въ рукахъ,—ярко горѣли слова: „Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененіи, и Азъ упокою вы“!..

ЛИТУРГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Въ какихъ облаченіяхъ—траурныхъ или свѣтлыхъ—слѣдуетъ совершать отпѣваніе умершихъ или служить заупокойныя литургіи и панихиды.

Отвѣта на поставленный вопросъ нѣтъ ни въ одной бого-служебной книгѣ. Въ Требникѣ—въ послѣдованіи „погребенія мірскихъ челоувѣкъ“ сказано: „священникъ пришедь въ домъ, въ немъ же мощи усопшаго лежать, и возложивъ епитрахиль и вложивъ оиміамъ въ кадильницу, кадитъ тѣло мертваго и предстоящихъ и начинаетъ обычно“!..; въ послѣдованіи „погребенія священниковъ“ сказано только, что „приходятъ священники облачены въ священническія одежды“... Но нигдѣ не указанъ цвѣтъ ихъ... Можно бы ожидать какого-либо разъясненія этого вопроса въ „указѣ

о провозженіи усопшихъ на святую пасху и во всю свѣтлую недѣлю“. Но и тамъ только сказано: „мало что отъ обычнаго усопшихъ пѣнія поется величества ради и чести веселаго праздника воскресенія“... „Пришедъ священникъ съ клирики.. возьмъ на ся епитрахиль и фелонь и покадивъ обычно начинается“... Если бы траурныя облаченія при погребеніи требовались уставомъ церковнымъ, то естественнѣе всего въ указѣ о пасхальномъ погребеніи сказать объ отмѣнѣ ихъ хотя бы на время свѣтлаго „веселаго“ праздника подобно тому, какъ указаны измѣненія пасхальнаго погребенія въ отношеніи къ его содержанію и составу.

Отсутствіе малѣйшаго намска на траурныя ризы при погребеніи даетъ прямое основаніе утверждать, что ихъ никогда не требовалось; потому что употребленіе ихъ не согласно съ христіанскимъ взглядомъ на смерть. Смерть истиннаго христіанина есть переходъ изъ страны печали и плача въ страну истиннаго веселія и радости, переходъ изъ жизни худшей въ лучшую, и потому сама церковь всѣми мѣрами старается умѣрить и облегчить естественную скорбь родныхъ и близкихъ, обращаясь къ почившему съ словами: „блаженъ путь, въ оныя же идеши днесъ душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія“... или „душа его во благихъ водворится“ и т. д. Неумѣстность траурныхъ ризъ при погребеніи подтверждается и словами св. Іоанна Златоуста, который при объясненіи 2-й гл. посл. къ Евр. говоритъ: „не плачьте безобразно и безчинно даже и о грѣшникахъ умершихъ, не терзая волосъ и не облакаясь въ черныя ризы“. (Ц. В. 86, 29; 77, 22).

Введеніе въ употребленіе траурныхъ ризъ при погребеніи въ русской православной церкви (на Востокѣ ихъ нѣтъ) есть заимствованіе съ Запада и при томъ сравнительно поздняго времени, послѣднихъ 2 столѣтій *) вмѣстѣ съ

*) Впрочемъ, что и въ древней церкви при извѣстныхъ случаяхъ употреблялись черныя ризы, на это указываетъ одинъ изъ тропарей — похвалъ, положенныхъ въ Великую

другими обычаями, напр. возложеніемъ вѣнковъ и др. Положительное разъясненіе этого даютъ намъ имѣющіеся въ полномъ собраніи законовъ указы Императрицы Елизаветы Петровны. Такъ въ одномъ изъ нихъ—отъ 15 мая 1746 г.—мы читаемъ слѣдующее: „Указали Мы: отъ нынѣшняго времени погребальныя церемоніи знатнымъ персонамъ и другимъ чиновнымъ людямъ, и дворянству, для великихъ и напрасныхъ расходовъ, оставить, палаты траурными обоями не обивать, кареты и шоръ чернымъ сукномъ не обивать и лошадей черными попонами не накрывать и прочихъ притомъ траурныхъ уборовъ, яко гербовъ, знаменъ, факелъ и флеровъ, какъ до нынѣ бывало, не употреблять, кромѣ одной церковной церемоніи: а именно: выносить умершаго къ литургіи и по окончаніи оной погребать и какъ оной выносъ, такъ и погребеніе чинить по чиноположенію церковному... фамиліи умершаго траурное платье носить и ливрею черную имѣть не запрещается, токмо въ ономъ ко Двору Нашему не ходить“. 1-го сентября того же 1746 г. опубликованъ второй указъ въ которомъ говорится: „Отнынѣ указали Мы, для тѣхъ же излишнихъ и напрасныхъ расходовъ, никому и ливрей черныхъ не имѣть, развѣ токмо въ день погребенія и то, кто пожелаетъ, а послѣ того отнюдь оной никому не употреблять, чего полиціи накрѣпко смотрѣть“. Не смотря на эти указы, очевидно находились нарушители ихъ, потому что 11 іюня 1751 г. опубликованъ третій указъ, по которому „Ея Императорское Величество

Субботу на утрени, и читаемыхъ надъ плащаницею: „Солнце вкупѣ и луна померкше, Спасе, рабомъ благоразумнымъ образовахуся, иже въ черныя одежды облачатся“ (ст. 107) Изъ сего тропаря видно, что еще въ VII—VIII в. церковь допускала трауръ, какъ выраженіе печали. Она одобряетъ рабовъ, носившихъ трауръ по Господѣ, и уподобляетъ солнце и луну симъ благоразумнымъ рабамъ. Это даетъ намъ право предположить, что и сама она, въ извѣстныхъ случаяхъ, не чуждалась употребленія черныхъ облаченій при своихъ богослуженіяхъ. (Бур. Еп. Вѣд.).

Всемилоствѣйше указать соизволила нынѣ еще вновь въ подтвержденіе вышеобъявленныхъ указовъ публиковать, дабы никто въ резиденціи, никакого званія люди (кромѣ чужестранныхъ пословъ и министровъ и ихъ служителей), какъ при погребеніи умершихъ, такъ и послѣ, глубокихъ трауровъ, яко баекъ и флеровъ, и плерезовъ отнюдь не носили и не употребляли... и того отъ полиціи наврѣшко смотрѣть“.

По кончинѣ Елизаветы Петровны, указомъ Сената 8 января 1762 г. повелѣно было во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ „присутственные столы покрыть чернымъ сукномъ а на стулья наложить черные изъ флатели или другой какой черной матеріи чехлы, а письма посылать за черною печатью“. Со дня изданія этого указа, трауръ въ Россіи привился повсемѣстно и крѣпко. Есть полное основаніе думать, что мірскія лица, подъ вліяніемъ иностранныхъ, носящихъ трауръ въ знакъ скорби о своихъ покойникахъ, желали придать такую же траурную обстановку и самому погребенію умершихъ; для чего они могли даже просить русскихъ представителей Церкви объ употребленіи черныхъ ризъ при отпѣваніи покойниковъ, а пастыри Церкви, естественно, могли подчиниться такому желанію, которое было многимъ пріятно.

Нельзя не порадоваться, что въ настоящее время вопросъ объ употребленіи черныхъ ризъ при отпѣваніи и погребеніи, поднятый тому назадъ лѣтъ 15, пришелъ, если не законодательно, то по крайней мѣрѣ практически къ рѣшенію въ пользу свѣтлыхъ бѣлыхъ ризъ, къ рѣшенію согласному съ христіанскимъ взглядомъ на смерть, съ исторіей и съ естественнымъ чувствомъ человѣческимъ, которое при видѣ бѣлаго облаченія невольно окрыляется, укрѣпляется и возвышается, а не падаетъ окончательно, какъ то бываетъ при видѣ ризъ траурныхъ, черныхъ.

Происхожденіе и значеніе заукойной куты.

Кутей — по славянски коливомъ — называются сваренныя съ медомъ зерна пшеницы, употребляемыя особенно при

паннихидахъ. Начало употребленія колива относятъ ко времени великомученика Осодора Тирона, пострадавшаго 17 февраля 316 г. Но это коливо было употреблено по особому случаю, — во избѣжаніе оскверненія христіанъ отъ продававшихся на рынкѣ окропленныхъ идоложертвенною кровію съѣстныхъ припасовъ.

Естественнѣе усматривать начало заупокойной кутьи въ древнихъ агапахъ, или вечеряхъ любви. Послѣднія устроились въ притворѣ храма и предназначались прежде всего для клириковъ и нуждающихся бѣдныхъ мірянъ. Послѣ того какъ агасы, влѣдствіе вкравшихся злоупотребленій, были запрещены правилами Лаод. соб. 28, Каро. соб. 46, а особенно правиломъ 74 Трул. собора, поминальныя трапезы перешли въ частные дома, куда по прежнему приносились были разнообразныя продукты для совершенія поминальныхъ трапезъ. Но изъ всѣхъ этихъ приношеній для поминовенія умершихъ осталось употребленіе зеренъ, получившее символическое значеніе, которое объясняется слѣдующимъ образомъ. „Пшеница означаетъ, что умершій человѣкъ опять воистину возстанетъ изъ гроба; ибо пшеница посѣваемая въ землѣ, сперва истлѣваетъ, а потомъ возрастаетъ и приноситъ плодъ... (Іоан. XII, 24)... И человѣкъ, какъ сѣмя, какъ плодъ изъ земли, полагаемый въ землю, какъ пшеница, опять возстанетъ Божественною силою, и какъ-бы прозябшій приведенъ будетъ ко Христу живымъ и совершеннымъ... Медъ означаетъ то, что послѣ воскресенія ожидаетъ... праведныхъ... сладкая, благопріятная, блаженная жизнь въ небесномъ царствѣ“ (Нов. Скр. ч. IV, гл. XXIII, 33).

Откуда произошелъ и что означаетъ обычай украшать гробы умершихъ цвѣтами и устилать путь къ кладбищу древесными вѣтвями?

Начало обычая украшать тѣла, гробы и могилы умершихъ лежитъ въ языческой древности. Язычество вообще состоитъ въ обоготвореніи видимой природы и потому

естественно приходитъ къ мысли о взаимной тѣсной связи между человѣкомъ и міромъ растительнымъ. Прийти къ такой мысли, было тѣмъ легче, что жизнь человѣка имѣетъ много сходства съ жизнью растений: появленіе зародыша, постепенный ростъ, возмужалость и цвѣтъ, зрѣлость, плодъ, ослабленіе, дряхлость. И само Св. Писаніе сравниваетъ человѣка то съ травою (Псал. 89), то съ полевымъ цвѣткомъ (Псал. 102, 15; I Петр., I, 24). Очевидно, сознанію язычниковъ предносилась, хотя и не ясно, мысль о будущей загробной жизни; почему мысль эту они и стремились выразить украшеніемъ покойниковъ, ихъ гробовъ и могилъ цвѣтами и растениями, которые служили символами будущаго возрожденія и воскресенія умершихъ: зима, когда растенія увядаютъ, служила символомъ смерти; а весна и лѣто, когда вся природа и растенія оживаютъ, — символомъ воскресенія. Вслѣдствіе этого почти у всѣхъ языческихъ народовъ употребленіе цвѣтовъ и растений при погребеніи умершихъ было очень распространено. Иногда растенія ставились предъ домомъ, въ которомъ находился покойникъ, вокругъ гроба, или были разсаживаемы на могилахъ.

Христіанство, освѣтившее темное представленіе язычниковъ о безсмертіи и превратившее это представленіе въ непоколебимую увѣренность, и обычаю украшать покойниковъ растениями сообщило свой смыслъ, хотя въ церковныхъ установленіяхъ не было нигдѣ указаній объ употребленіи растений и цвѣтовъ при погребеніи, и обычай этотъ нашель большее примѣненіе и распространеніе въ церкви Западной, откуда перешель къ намъ по подражанію сравнительно въ недавнее время. Упомянутія о существованіи этого обычая мы находимъ у св. Амвросія Медиоланскаго въ его рѣчи на смерть императора Валентиніана II (390 г.), у св. Григорія Богослова (329—390 г.) въ надгробномъ словѣ брату Кесарію и у др. съ такимъ однако поясненіемъ, что обычай этотъ не находилъ всеобщаго одобренія среди христіанъ, которые предпочитали чествовать умершихъ словомъ назиданія и добрыми дѣлами. Такъ св. Григорій Богословъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ: „Прочь

отъ меня съ языческими игрищами и представленіями въ честь несчастныхъ юношей.. Прочь съ тѣми обрядами, въ которыхъ насыпями, приношеніемъ начатковъ, вѣнцами и свѣжими цвѣтами упокоивали усопшихъ человѣковъ, покаясь болѣе отечественному закону и неразумію горести, нежели разуму. Мой даръ—слово; оно, переходя далѣе и далѣе, достигнетъ, можетъ быть, и будущихъ временъ... и сохранить... явственнѣе картины изображенія возлюбленнаго“ (*).

Кромѣ общаго, присущаго цвѣтамъ и растеніямъ, символическаго значенія, нѣкоторые изъ нихъ, сообразно своимъ свойствамъ, употреблялись преимущественно предъ другими для украшенія покойниковъ, гробовъ и могилъ. Къ такимъ растеніямъ относятся розы, фіалки, лиліи, размаринъ, барвинокъ, плющъ, миртъ, сосна, ель, кипарисъ, лавръ, пальма и др. Роза—лучшій изъ всѣхъ цвѣтовъ—издревле означаетъ начало жизни (еще у Гомера часто встрѣчается выраженіе—розоперстная заря). Бѣлый цвѣтъ розы а равно фіалки и лиліи, также бѣлый, и расцвѣтающій очень рано символически означаетъ нравственную чистоту и непорочность; почему Пресв. Дѣва Марія перѣдко изображается съ лиліей въ рукѣ или съ вѣнкомъ изъ лилій на головѣ. Красный цвѣтъ розы, по восточному сказанію, произошелъ отъ первой пролитой на землѣ крови; почему ему усвоится значеніе мученичества. Размаринъ, барвинокъ, плющъ, миртъ, сосна и ель суть растенія постоянно сохраняющія свою зелень; почему ими украшаемы были могилы умершихъ въ знакъ непрекращающейся жизни и любви, простирающейся и на умершихъ. Изображенія мирта встрѣчаются и на древнехристіанскихъ гробницахъ. Кипарисъ—дерево никогда не теряющее листьевъ и не гнѣющее, по Амвросію Медиоланскому и по Григорію Богослову, служитъ образомъ праведника, утвердившагося въ благодати Божіей. Вслѣдствіе тѣхъ же двухъ свойствъ

*) Дополн. къ святоотеческой христоматіи Поторжинскаго, стр. 104.

кипарисъ служилъ символомъ никогда непрекращающейся жизни. Лавръ всегда служилъ символомъ торжества и побѣды. Листья и вѣтви лавровые имѣли широкое употребленіе и у христіанъ первыхъ вѣковъ. По свидѣтельству Григорія Турскаго (540—595 г.), въ его время подъ тѣла умершихъ подстилались лавровые листья. На гробницахъ и другихъ древне-христіанскихъ памятникахъ часто встрѣчаются изображенія лавровыхъ деревьевъ и вѣнковъ. Какъ постоянно зеленѣющее лавровое дерево также служило символомъ непрекращающейся жизни и будущаго воскресенія. Самое воскресеніе Іисуса Христа въ христіанской символикѣ первыхъ трехъ вѣковъ изображалось чрезъ крестъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ. Другимъ символомъ побѣды служила пальма. При входѣ въ Іерусалимъ Господа, какъ Царя, Онъ встрѣченъ былъ народомъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ (Іоан. XII, 13). По объясненію Тертуліана, Оригена, свв. Амвросія Медиоланскаго и Григорія Богослова, пальма означаетъ „награду за побѣду“. Въ Апокалипсисѣ св. Іоанна мученики, устоявшіе въ борьбѣ, являются предъ престоломъ Божиимъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ (VII, 9). „Пальма мученичества“ — выраженіе часто встрѣчающееся въ диптихахъ, мученическихъ актахъ и мартирологахъ. Верба или ива—дерево, нашедшее употребленіе при христіанскомъ богослуженіи. Упомянутое о вербѣ соединено съ воспоминаніемъ евреями о Сіонѣ (на вербѣхъ посреде его обѣсихомъ органы наша, псал. 136, 1—2). Верба, какъ дерево ранѣе другихъ распускающееся, служитъ символомъ воскресенія и новой жизни и замѣняетъ у насъ въ недѣлю Ваіи пальму.

Изъ сказаннаго видно, откуда произошелъ и что означаетъ обычай украшать самихъ покойниковъ, гробы и могилы ихъ растеніями и цвѣтами и устилать ими путь къ кладбищу. Видно и то, что обычай этотъ нѣтъ ничего предосудительнаго; напротивъ обычай этотъ полонъ глубокаго смысла и въ различныхъ формахъ служитъ носителемъ идеи безсмертія. Сама православная церковь въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаетъ употребленіе цвѣтовъ, напр. для укра-

шенія креста Господня 1 августа, въ праздникъ Воздвиженія, въ недѣлю крестопоклонную. Къ сожалѣнію, обычай употреблять цвѣты и растенія въ видѣ вѣнковъ, при погребеніи умершихъ, получилъ совершенно неправильную и до чудовищности смѣшную форму (вѣнки металлическіе); почему и сдѣлался не носителемъ и выразителемъ идеи безсмертія, а демонстративнымъ способомъ чествованія иногда сомнительныхъ заслугъ почившаго, а еще болѣе пустымъ требованіемъ приличія, сопряженнымъ однако съ большими и обременительными для небогатыхъ людей издержками. Въ виду этого Св. Синодъ (20 дек. 1885 г. и 20 янв 1886 г.) опредѣлилъ: „воспретить при слѣдованіи погребальныхъ шествій въ церковь для отпѣванія и на кладбища для погребенія—ношенія вѣнковъ съ подписями или безъ оныхъ, а равно и иныхъ знаковъ и эмблемъ, неимѣющихъ церковнаго или государственно-официальнаго значенія, и строгое за симъ наблюденіе вмѣнить въ обязанность полицейскимъ властямъ“. Независимо отъ сего, въ видахъ охраненія должнаго благочинія и подобающаго святыхъ уваженія въ самыхъ храмахъ при отпѣваніи усопшихъ, Св. Синодъ (опред. 10—12 февр. 1886 г.) вмѣнилъ въ обязанность настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, а равно и настоятелямъ приходскихъ церквей и кладбищъ, въ случаѣ желанія родственниковъ умершаго обставить гробъ его въ храмѣ деревьями и растеніями, имѣть попеченіе, чтобы предназначенныя для того деревья и растенія отнюдь не закрывали отъ молящихся иконостаса и царскихъ вратъ и не мѣшали священнослужителямъ, при совершеніи отпѣванія.

О церемоніяхъ при погребеніи умершихъ.

Преосвященный Иларіонъ, епископъ Полтавскій, на прошеніи одного содержателя погребальнаго заведенія о разрѣшеніи имѣть при его заведеніи конныхъ жандармовъ для участія ихъ въ похоронныхъ процессіяхъ, положилъ слѣдующую резолюцію: „При погребеніи умершихъ не только не слѣ-

дуетъ дозволять конныхъ жандармовъ, но весьма желатель- но, чтобы процессія погребенія христіанина совершалась какъ чинъ церковный, съ умиающей простотой и благоговѣ- ніемъ, и чтобы, кромѣ колесницы, не было вовсе безобраз- ныхъ плащей, шляпъ, факеловъ, а на лошадяхъ—попонъ, что воспрещается указами императрицы Елисаветы Петров- ны отъ 15 мая и 1 сентября 1746 г., которые не отмѣ- чены и потому должны быть руководствомъ въ настоящемъ дѣлѣ“.

Осуждаемый преосвященнымъ обычай проводить умер- шихъ въ настоящее время весьма развитъ, особенно въ гу- бернскихъ городахъ. Этотъ обычай иностранный и совер- шенно не мирится съ чувствомъ православнаго и съ пра- вославнымъ чиномъ погребенія усопшихъ. Помимо лошадей, въ странныхъ черныхъ попонахъ, необыкновенныхъ вычур- ныхъ костюмовъ кучера и свѣщеносцевъ, особенно неприят- но видѣть то, что эти ряженые сопровождаютъ тѣло усоп- шаго въ шляпахъ, между тѣмъ какъ священнослужители (исключая имѣющихъ митры, камилавки и скуфы) и весь православный народъ идутъ съ открытыми головами.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ.— Миссія въ Корей.— Центральная миссіонерская бібліотека.— Объ открытіи новой епархіи.— Земскій сборъ съ монастырскихъ и церковныхъ земель.— Стипендіаты—болгары.— Объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казеннаго лѣса.

По газетнымъ сообщеніямъ, въ настоящее время возбуж- денъ вопросъ о разработкѣ мѣропріятій для большаго раз- витія и распространенія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и чтеній въ отдѣльныхъ епархіяхъ.

— По военному вѣдомству разъяснено, что командиры отдѣльныхъ частей должны воздерживаться отъ указаній священникамъ темъ для внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ

нижними чинами, а также чтобы не требовали для просмотра поученія, прежде произнесенія ихъ съ церковной кафедры.

— По слухамъ, предстоящей осенью будетъ открыта русская духовная миссія въ Корей.

— Для содѣйствія раскольническимъ миссіонерамъ въ ихъ борьбѣ съ раскольниками, въ Казани учреждается центральная миссіонерская бібліотека, въ которой предполагается собрать все обращающіяся въ рукахъ раскольниковъ печатныя и письменныя книги, брошюры и листки, направленные къ защитѣ раскола.

— По слухамъ, вопросъ объ учрежденіи особой Сарapulьской епархіи окончательно разрѣшонъ въ утвердительномъ смыслѣ. Въ составѣ новой епархіи отойдутъ по три уѣзда отъ Вятской и Уфимской епархій.

— Вслѣдствіе соотвѣтствующихъ заявленій епархіальныхъ начальствъ, возбужденъ, какъ сообщилъ С. Отеч., вопросъ объ исключеніи изъ предметовъ земскаго обложенія тѣхъ земель, которыя жертвуются монастырямъ и церквамъ частными лицами и приобрѣтаются ими самими въ собственность. Въ настоящее время изъ предметовъ земскаго обложенія исключаются, какъ извѣстно, лишь тѣ земли, принадлежащія монастырямъ и церквамъ, которыя даны имъ правительствомъ на содержаніе.

— Болгарскій Синодъ рѣшилъ содержать на свои средства восемь молодыхъ людей болгарскаго происхожденія въ русскихъ духовныхъ академіяхъ. Кромѣ того, Синодъ будетъ отпускать средства на содержаніе двухъ молодыхъ болгаръ въ русскихъ художественныхъ школахъ для изученія церковной живописи.

— Работавшая при Св. Синодѣ подъ предсѣдательствомъ товарища оберъ-прокурора Синода В. К. Саблера

коммиссія для выработки общих основаній преподаванія сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія и школахъ духовнаго вѣдомства, а также въ учительскихъ семинаріяхъ закончила свои занятія. Выработанныя правила напечатаны въ № 28 Церковныхъ Вѣдомостей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книжка: „Церковная школа на Всероссийской выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ“. Съ 6-ю фототипическими снимками церковно-школьной выставки. Очеркъ представленнаго на выставкѣ состоянія церковно-школьнаго дѣла въ Россіи. С.-Петербургъ. 1897 г. Цѣна 20 коп., съ пересылкою 25 коп. Составилъ Михаилъ Макаревскій.

Выписывающіе отъ автора, секретаря Нижегородской Духовной Консисторіи, не менѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ. Въ розничной продажѣ книжка имѣется въ главныхъ книжныхъ магазинахъ — Петербурга, Москвы и Н.-Новгорода. Изданіе одобрено Учебнымъ Комитетомъ и Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ для библіотекъ духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ, а также и для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Колокольные заводы бр. Приваловыхъ въ Н. Новгородѣ и Н. Ломовѣ, Пензенской губ., имѣютъ всегда для продажи готовые колокола при заводахъ и въ Пензѣ при магазинѣ Епифанова, а также принимаютъ заказы. Фирма удостоена медали на Всероссийской Выставкѣ 1896 года.

Бр. Приваловы.

Въ мануфактурномъ магазинѣ В. А. ВЯРЬВИЛЬСКАГО въ г. Пензѣ на Моск. ул. имѣются: ПАРЧА серебряная, мишурная и шелковая, ГЛАЗЕТЪ, ГАСЪ И ГАЛУНЫ серебряные, и мишурные. Ризные, эпитрахильные и орарные КРЕСТЫ, а также имѣются готовые ФЕЛОНИ, СТИХАРИ, ЭПИТРАХИЛИ и принимаются на нихъ заказы. Всѣ означенные предметы въ полномъ выборѣ. Цѣны правильныя безъ запроса.

ОГЛАВЛЕНИЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

1. Расколъ и сектанство въ Пензенской епархіи. К. Королькова.—
2. Народныя воззрѣнія на св. пророка Іаію. В. Масловскаго —3. Долгъ или любовь.—4. Литургическія замѣтки.—5. Внутреннія извѣстія.—6. Объясненія.

Редакторы: (А. Поповъ.
(Н. Смирновъ.

Довз. ценз. Пенза, 1 августа 1897 г. Цензоръ, ректоръ, сем. прот. П. Поздневъ.

Типографія Пензенскаго Губернскаго Правленія.

